Л. МАРТОВЪ.

Кризисъ демократіи во Франціи.

ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство „СОЦІАЛИСТЪ“.
1917.

Типографія Т-ва «Грамотность», 5 Рождественская, 44.

I

НАЛИЧНОСТЬ КРИЗИСА.

„Весной 1915 года", пишетъ въ 4-ой книжкѣ „Современнаго міра" Г. Алексинскій, во Французской соціалистической партіи появились и стали кое-кѣмъ усиленно раздуваться слухи о томъ, что среди членовъ партіи существуетъ недовольство позиціей, занятой партіей во время войны, и что имѣется значительное количество элементовъ, оппозиціонно настроенныхъ по отношенію къ тактикѣ партійныхъ центровъ. Въ раздуваніи этихъ слуховъ, къ сожалнѣію, приняли участіе и нѣкоторые представители русской прессы за границей, принявшіеся писать статьи о томъ, что внутри французской рабочей партіи готовится расколъ, что среди рабочихъ растетъ протестъ противъ оборонческой линіи, которую ведутъ центральныя учрежденія этой партіи, что эти учрежденія не имѣютъ за собою сочувствія массъ и т. д."

Свой методъ объясненія происхожденія неудачныхъ ему явленій г. Алексинскій явно заимствовалъ изъ составленныхъ опытной прокурорской рукой обвинительныхъ актовъ. Подъ рукой бойкаго прокурора всякій „безпорядокъ" массового характера имѣетъ своимъ первоисточникомъ неосновательные „слухи", кое-кѣмъ усиленно раздуваемые. А то обстоятельство, что этотъ „кое-кто"

оказался причастнымъ къ „русской эмиграціи“, также не представило никакой новизны для любого, посѣдѣлаго въ бояхъ, прокурора.

Какъ бы то ни было, но разслѣдованные г-мъ Алексинскимъ „слухи“, при всей своей неосновательности, обнаружили столь-же творческую силу, какою въ изложеніи прокуроровъ обладаютъ всѣ слухи, предшествовавшіе „безпорядкамъ“. Какъ говорятъ французы, ils ont fait les petits—отъ нихъ родилось нѣкоторое потомство. Въ то самое время, какъ статья Алексинскаго печаталась въ „Соврем. Мірѣ“, извѣстное „кинтальское паломничество“ трехъ французскихъ депутатовъ открыло собою эру шумнаго дискутированія всею французской печатью во проса о той „оппозиціи“, которая, по Алексинскому, родилась изъ русскихъ „слуховъ“ и соотвѣтственно влачитъ тѣнеобразное существованіе. А черезъ нѣкоторое время „самъ“ г. Милюковъ въ помѣщенныхъ въ „Рѣчи“ путевыхъ очеркахъ ознакомилъ русскаго читателя съ французской „оппозиціей“, какъ съ явленіемъ, во всякомъ случаѣ, весьма замѣтнымъ, никѣмъ не подвергаемымъ сомнѣнію и достаточно принимаемымъ государственными людьми въ серьезъ для того, чтобы они, организуя бесѣды г-на Милюкова съ французскими парламентаріями, особенно рекомендовали его вниманію представителей этой оппозиціи.

Если, такимъ образомъ, „слухи“ присутствовали при зарожденіи французской оппозиціи точно также, какъ его сопровождала неизбѣжная инсинуація г-на Алексинскаго, то ни одно, ни другое, не устраняло того факта, что это зарожденіе знаменуетъ начало сложнаго кризиса, значительно болѣе глубокаго, чѣмъ всѣ, пережитые ею въ теченіи ея существованія.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ была написана статья Г. Алексинскаго, ни кто иной, какъ Густавъ Эрве, поднялъ въ печати вопросъ о неизбѣжности и желательности раскола въ партіи, въ виду наличности непри-

миримо-враждебныхъ тенденцій въ ней. Въ то же время сильнѣйшая въ настоящее время партійная организація—„федерація Сены",—возбудила требованіе объ исключеніи Эрве изъ патіи за всю его нынѣшнюю дѣятельность, которая, во всякомъ случаѣ, не является изолированной. Позже,—послѣ Кинталя—съ другой стороны формулировано требованіе объ исключеніи изъ партіи депутатовъ А. Блана, Раффенъ-Дюжанса и Пьера Бризона. На это требованіе организаціи департаментовъ, представителями которыхъ являются первые два изъ названныхъ депутатовъ[1]) отвѣтили демонстративнымъ выраженіемъ своей солидарности съ „обвиняемыми," а нѣкоторыя другія организаціи—посылкой имъ привѣтствія. На послѣднемъ „Національномъ Совѣтѣ" (регулярная партійная конфедерація), гдѣ вопросъ объ исключеніи Эрве и трехъ „кинтальскихъ паломниковъ" было рѣшено отложить до послѣ войны, „оппозиція", представшая и болѣе многочисленной и болѣе сплоченной внѣшне, чѣмъ въ предыдущіе разы, потребовала себѣ пропорціональнаго представительства въ центральныхъ учрежденіяхъ партіи, —въ редакціи газеты Humanitê и въ коллегіи постоянныхъ (оплачиваемыхъ) разъѣздныхъ агитатововъ (Les permanents), играющей существенную роль въ направленіи партійной жизни. [2])

Если самое предъявленіе этого требованія являлось характернымъ, свидѣтельствуя о совершившихся внутри партіи перегруппировкахъ—до войны со времени партійнаго объединенія при всѣхъ выборахъ на партійные посты принимались въ разсчетъ правое (жоресистско-бланкистское) большинство и лѣвое (гэдистское) меньшинство,—то особенно симптоматичнымъ представляется тотъ фактъ,

---

[1]) Федераціи, Воклюзъ и Изеръ. (Послѣдняя—одна изъ значительныхъ въ партіи).

[2]) Въ составѣ центр. ком. партіи („постоянная административная комиссія") оппозиція имѣетъ около трети мѣстъ, предоставленныхъ ей голосованіемъ бывшаго въ декабрѣ 1915 года партійнаго конгресса.

что лидеры нынѣшняго большинства Ренодель, Марсель Самба, Дюбрейль и др. съ большой рѣшительностью выступили противъ этого требованія. Выступленіе это является прямо „революціоннымъ“ по отношенію къ партійнымъ традиціямъ, ибо право *всякаго*, образовавшагося въ партіи, меньшинства на пропорціональное представительство въ партійныхъ инстанціяхъ формально признано уставомъ, до сихъ поръ наблюдалось по отношенію къ центральнымъ инстанціямъ съ скрупулезной точностью и, со времени возникновенія новой „оппозиціи“, примѣняется при замѣщеніи отвѣтственныхъ постовъ въ мѣстныхъ организаціяхъ равно какъ при делегированіи на партійные конгрессы и конференціи. Выступивъ противъ этой традиціи. Ренодель и Самба открыто заявили, что, если физіономія нынѣшней оппозиціи выяснится, какъ сбивающаяся на „цимервальдизмъ“, если эта оппозиція станетъ „анти-національной“, то, какъ бы она ни была значительна, ея право на представительство въ центрахъ будетъ поставлено подъ вопросъ. Требованіе оппозиціи не было, въ концѣ концовъ, формально отклонено, а лишь отложено разсмотрѣніемъ до партійнаго конгресса; но самое отношеніе къ нему большинства говоритъ уже о глубинѣ того кризиса, который породилъ нынѣшніе „большинство“ и „меньшинство“. О томъ же говоритъ и тотъ отвѣтъ, который дала „оппозиція“ на отказъ партійныхъ лидеровъ удовлетворить добровольно ея требованія. „Берегитесь“, сказалъ депутатъ Вальеръ, „оппозиція въ настоящее время достаточно сильна и сплочена, чтобы заставить уважать свои права, и намѣрена заставить ихъ уважать. Мы съумѣемъ отравить жизнь вашимъ постоянным агитаторамъ, если вы откажете намъ въ нашемъ правѣ: всюду, гдѣ они появятся, они встрѣтятъ нашихъ людей“.

Наконецъ, глубина кризиса достаточно иллюстрируется и возникновеніемъ новыхъ организаціонныхъ образованій, порожденныхъ имъ и нарушающихъ такъ или иначе пар-

тійныя рамки. Еще къ концу 1915 года, послѣ Циммервальда создался въ Парижѣ „комитетъ интернаціональнаго дѣйствія“, образованный изъ представителей оппозиціи отъ разныхъ районовъ [1]) и тѣсно связанный съ такимъ же комитетомъ, составленный изъ представителей „оппозиціонныхъ“ синдикатовъ. Впослѣдствіи же и крайнее крыло сторонниковъ большинства создало свою сепаратную организацію подъ именемъ „Комитетъ соціалистической пропаганды для національной обороны“.

Эти и многіе другіе признаки свидѣтельствуютъ о томъ, что, вопреки мнѣнію г. Алексинскаго, во французской рабочей партіи, какъ и въ германской, зрѣетъ глубокій кризисъ, съ послѣдствіями котораго ей придется считаться много послѣ того, какъ пройдутъ обстоятельства, вызвавшія его къ жизни. Въ Германіи также—и довольно долго не только такіе представители большинства, какъ Шейдеманъ, но и такіе лидеры меньшинства, какъ Каутскій, думали и утверждали, что актъ 4-го августа останется лишь эпизодомъ и что, во всякомъ случаѣ, съ прекращеніемъ войны, партійная жизнь вернется въ старое русло. Теперь такихъ „оптимистовъ“ въ самой германской соціалдемократіи и среди ея наблюдателей заграницей осталось ужъ немного. Съ большимъ запозданіемъ, но тотъ же процессъ самопознанія замѣчается и во французской передовой демократіи. Еще немногіе изъ борющихся между собою фракціонныхъ лидеровъ сознали глубину переживаемаго партіей кризиса; но ихъ собственныя высказыванія и ихъ политическія дѣйствія позволяютъ постороннему наблюдателю измѣрить эту глубину и предвидѣть то направленіе, которое кризисъ приметъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи.

---

[1]) Въ настоящее время, какъ мнѣ сообщаютъ, къ нему примкнуло до 3000 членовъ партіи.

2.

ЗАРОЖДЕНІЕ „ОППОЗИЦІИ“.

Говоря о появленіи весной 1915 года „слуховъ о недовольствѣ“ во французской рабочей партіи, г. Алексинскій по обыкновенію, весьма замѣтно уклоняется отъ истины. „Недовольство“ оффиціальнымъ курсомъ партіи не только возникло, но и проявилось много ранѣе.

Оно возникло и проявилось уже вскорѣ послѣ того, какъ побѣда при Марнѣ, отвративъ отъ Франціи, казалось, неизбѣжный военный разгромъ, создала болѣе нормальныя условія общественной жизни и возможность возобновленія жизни партійной. И не съ Бурдерономъ, не съ депутатами департамента Верхней Вьенны, связано это первое пробужденіе «оппозиціоннаго» духа, а съ Никó и Луизой Сомонно.

Активный членъ партіи и дѣятельница женскаго движенія, Луиза Сомонно еще осенью 1914 года, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими женщинами-членами партіи, повела пропаганду въ разрѣзъ съ оффиціальнымъ партійнымъ курсомъ за принципы международности. Руководимый ею центральный комитетъ женскаго соціалист. движенія послалъ соотвѣтственное привѣтствіе на собравшуюся въ Бернъ международную женскую конференцію—эту первую послѣ войны манифестацію международности, — а сама Л. Сомонно прибыла, въ качествѣ делегатки, на эту конференцію.

Въ ноябрѣ 1914 года Никó, секретарь одной изъ партійныхъ федерацій [1]) (департамента Ain), разослалъ по всѣмъ организаціямъ окружное письмо, въ которомъ подвергъ критикѣ оффиціальный курсъ партіи, находя его черезчуръ націоналистскимъ и министеріалистскимъ и протестуя

[1]) Партія состоитъ изъ федерацій, объединяющихъ секціи каждаго департамента Франціи.

противъ того, что этотъ курсъ взятъ партійными центрами самовластно, безъ совѣщанія съ партіей. Онъ требовалъ созыва партійной конференціи. Въ редактируемомъ имъ бюллетенѣ федераціи (L'eclaireur de l'Ain), партійная политика подвергалась подобной-же критикѣ.

Организація, отъ имени которой выступилъ Никó, незначительна; но имя его, какъ вліятельнаго провинціальнаго дѣятеля (бывшей фракціи „аллеманистовъ") было достаточно извѣстно, чтобы привлечь къ его письму вниманіе партіи.

Одновременно еще два партійныхъ дѣятеля, пріобрѣвшіе нѣкоторую извѣстность, выступили, какъ «оппозиціонеры».

Въ редакціи «Humanité» одинъ изъ близкихъ сотрудниковъ Жореса, Амедей Дюнуа занялъ критическую позицію по отношенію къ линіи поведенія газеты и велъ соотвѣтственную пропаганду въ парижскихъ партійныхъ кругахъ.

Кооператистъ и сотрудникъ «Humanité», Пьеръ Лафиттъ поднялъ (въ декабрѣ 1914) на засѣданіи федеральнаго совѣта Сенской федераціи вопросъ объ отношеніи партіи къ лозунгу мира. Онъ взялъ назадъ свой проектъ резолюціи, убѣдившись въ томъ, что его настроеніе совершенно чуждо названной коллегіи.

Агитація, поднятая Никó, не осталась безрезультатной. Въ отвѣтъ на его окружное письмо, центръ партіи («постоянная комиссія») рѣшилъ созвать экстренное совѣщаніе секретарей всѣхъ федерацій, которое состоялось въ январѣ 1915 года и на которое центръ внесъ свое предложеніе о созывѣ конференціи соціалистовъ союзныхъ странъ для опредѣленія дальнѣйшей тактики. На совѣщаніи голосъ „оппозиціи" былъ еще очень слабъ. но уже обозначились существенные оттѣнки взглядовъ въ средѣ большинства; непримиримому теченію, представленному, главнымъ образомъ, Вайяномъ, противостоялъ болѣе умѣренный „центръ", группировавшійся около Ж. Лонге и Реноделя, тогда еще очень озабоченнаго тѣмъ, чтобы

«оборонческая» политика партіи не привела къ разрушенію всѣхъ мостовъ, соединявшихъ ее съ международнымъ движеніемъ, и къ разрыву съ демократическими традиціями. Министръ Марсель Самба счелъ себя вынужденнымъ на этомъ совѣщаніи предостерегать представителей партіи отъ стремленія „вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи“ (рѣчь шла преимущественно о процессѣ думскихъ депутатовъ), которое могло бы лишь повредить дѣламъ тройственнаго согласія.

Аналогичный процессъ формилированія „недовольства“ сдѣлалъ къ тому времени болѣе значительные успѣхи въ рядахъ „Конфедераціи Труда“, которая; какъ извѣстно, жила во Франціи совершенно самостоятельной отъ партіи жизнью и порою рѣзко враждовала съ партіей, но уже до начала войны начала въ извѣстной мѣрѣ сближаться съ нею. Въ первые мѣсяцы войны это сближеніе значительно подвинулось впередъ, поскольку руководящіе круги Конфедераціи не менѣе партійныхъ были охвачены тѣмъ настроеніемъ, которое всецѣло опредѣлялось сознаніемъ вынужденности войны для Франціи и признаніемъ необходимости для рабочаго класса защищать страну. Подсказанная этимъ сознаніемъ тактика означала политическую поддержку республики, что выводила синдикалистовъ изъ ихъ традиціоннаго отрицанія всякой „политики“ и тѣмъ, вопреки ихъ доктринѣ, сближало ихъ съ партіей на общей работѣ. Выраженіемъ этого сближенія явился спеціальный органъ—„Комитетъ дѣйствія“—составленный изъ представителей партіи, Конфедераціи и кооперативовъ и долженствовавшій объединить всю самодѣятельность рабочаго класса въ области удовлетворенія нуждъ, вызванныхъ войною и представительствовать его интересы передъ властями въ этой области.

Въ этомъ „Комитетѣ дѣйствія“ прежде всего обнаружилась синдикальная оппозиція на почвѣ вопроса о содержаніи дѣятельности комитета. Противъ значительнаго большинства его, стремившагося сдѣлать комитетъ цен-

тромъ оборонческой дѣятельности и пропаганды (популяризація войны, подъемъ производительности труда рабочихъ въ военной индустріи, отказъ отъ стачечной борьбы и т. д.) повелъ осторожную, но упорную борьбу представитель федераціи металлистовъ Мергеймъ, пользующійся большимъ авторитетомъ. Какъ это выяснено впослѣдствіи въ майскомъ № журнала „Union des métaux“ за 1915 годъ. Мерргеймъ и стоявшій за нимъ центръ федераціи металлистовъ настаивали на томъ, что дѣятельность комитета должна носить внѣполитическій характеръ, независимый отъ правительства и поддерживающей его соціалистической партіи: воздерживаясь отъ какой бы то ни было отвѣтственности за войну, ея цѣли и методы, комитетъ долженъ только отстаивать передъ властью интересы и права рабочихъ и помогать ихъ организаціи въ новыхъ условіяхъ. Нельзя здѣсь не усмотрѣть аналогію съ двумя теченіями среди сторонниковъ „участія“ въ военно-промышл. комитетахъ.

Упоминая о Мерргеймѣ, который въ послѣдствіи сталъ центральной фигурой всей французской оппозиціи, г. Алексинскій снова пускается въ объясненія, грѣшащія обычной... неточностью.

По поводу участія въ циммервальдской конференціи Мерргейма“, заявляетъ онъ, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ.

„Читатели“ знаютъ что антимилитаристскія теченія были всегда очень сильны среди французскихъ синдикалистовъ. Такъ какъ французскій синдикализмъ находился подъ значительнымъ вліяніемъ анархизма, то антимилитаризмъ у синдикалистовъ Франціи нерѣдко принималъ самодовлѣющій, специфически-анархистскій характеръ, выражаясь иногда въ проповѣди военнаго саботажа, индивидуальнаго уклоненія отъ военной службы, дезертирства и другихъ ребяческихъ мѣръ, соціально-политическая недѣйствительность которыхъ самоочевидна“.

Такъ какъ все это сказано „по поводу участія Мер-

ргейма", то читатель долженъ заключить, что именно Мерргеймъ проповѣдывалъ дезертирство, и т. п. анархическія средства.

На дѣлѣ, проповѣдниками этихъ средствъ какъ всѣмъ извѣстно, были (рядомъ съ Г. Эрве) именно Жуо, Гриффюэль, Шарль Альберъ, Ивто, Малато и прочіе вожди и идеологи Конфедераціи, нынѣ, подобно нашему автору, „переучившіеся" направо. Напротивъ, Мерргеймъ уже въ теченіе ряда лѣтъ боролся съ анархистской струей въ синдикальномъ движеніи, отстаивая его единство и его дѣйствительную независимость по отношенію къ „сектамъ"; поэтому, онъ и противъ попытокъ навязать синдикальной организаціи оффиціальную доктрину „антипатріотизма" и анти-милитаризма въ специфическомъ анархическомъ смыслѣ возставалъ со всей энергіей. Въ опредѣленный моментъ эта борьба настолько обострилась, что анархизирующіе вожди Конфедераціи подняли вопросъ объ его исключеніи изъ нея и даже провели въ одной изъ инстанцій соотвѣтствующее рѣшеніе. Вообще, въ Конфедераціи Труда Мерргеймъ являлся однимъ изъ дѣятелей которые, хотя и раздѣляя специфическую идеологію синдикалистскаго „нейтрализма" на всѣ стороны, подготовляли на практикѣ сближеніе профессіональнаго движенія съ рабочей партіей,—и всего болѣе дѣлали это, борясь одновременно и съ реформистскими и съ анархистскими тенденціями.

Только благодаря этой своей прежней дѣятельности, секретарь федераціи металлистовъ могъ занять въ „оппозиціонномъ" движеніи ту роль, которую онъ нынѣ играетъ.

Рядомъ съ нимъ, но сразу, какъ вполнѣ законченный и додумавшій до конца свою позицію „международникъ", выступилъ Монаттъ, представитель федераціи кожевниковъ въ Конфедеральномъ комитетѣ, уже до войны являвшійся однимъ изъ вліятельнѣйшихъ публицистовъ синдикализма. Въ отличіе отъ Мерргейма, Монаттъ теоретически при-

мыкалъ къ анархизму, но въ своемъ журналѣ „La Vie Ouvriére“ не рѣдко и по существеннымъ вопросамъ расходился съ анархистами, поскольку проявлялъ способность ставить интересы развитія синдикальнаго движенія, какъ такового, выше несмолкавшей во Франціи борьбы анархизма противъ соціалъ-демократіи за вліяніе на рабочій классъ. [1])

Монаттъ и секретарь редакціи журнала „La Vie Ouvriére“ Альфредъ Розмеръ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми парижскими ра очими образовали первоначальное ядро „оппозиціи“ въ Парижѣ уже въ первые мѣсяцы войны и, связавшись съ различными синдикальными и партійными дѣятелями въ провинціи, информируя ихъ о замалчивавшихся французской печатью или искажавшихся ею проявленіяхъ „оппозиціоннаго“ движенія въ другихъ странахъ, много содѣйствовали высвобожденію активныхъ элементовъ демократіи отъ того оцѣпенѣнія, въ которое ихъ, по общему правилу, повергъ неожиданный поворотъ авторитетныхъ вождей къ націонализму. [2])

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Монаттъ внесъ въ Конфедеральный комитетъ предложеніе о посылкѣ привѣтствія на предполагавшуюся (и въ январѣ 1915 г. состоявшуюся)

---

[1]) Такъ, журналъ Монатта съ большой рѣшительностью выступилъ противъ попытокъ французскихъ, голландскихъ и другихъ анархо-синдикалистовъ создать анти-соціалъ-демократическій профессіональный Интернаціоналъ въ противовѣсъ старому, во главѣ котораго стояли, какъ извѣстно, „свободные“ нѣмецкіе союзы.

[2]) Позволю себѣ здѣсь привести одно личное воспоминаніе. Въ октябрѣ 1914 года мнѣ удалось (это было нелегко!) помѣстить во французской печати сообщеніе о поведеніи с.д. фракціи и трудовой группы Госуд Думы при первомъ голосованіи военныхъ кредитовъ. Густавъ Эрве согласился помѣстить въ своей газетѣ мое письмо, въ которомъ я опровергалъ неправду соціалистическихъ газетъ. Вскорѣ ло помѣщенія моего письма, къ которому, кстати сказать, Эрве присоединилъ нѣсколько насмѣшливыхъ замѣчаній о „марксистскомъ догматизмѣ“, я получилъ отъ незнакомаго мнѣ тогда Монатта приглашеніе встрѣтиться и доставлять для обслуживаемыхъ имъ круговъ свѣдѣнія о дѣятельности русской демократіи.

„конференцію нейтральныхъ“ въ Копенгагенѣ. Лидеры комитета постарались отвести предложеніе ссылкой на то, что, по свимъ традиціямъ, Конфедерація Труда не можетъ участвовать въ предпріятіяхъ соціалъ-демократическихъ партій. Мерргеймъ, Бурдеронъ и нѣкот. другіе члены комитета поддержали Монатта, но предложеніе его было большинствомъ отвергнуто, какъ явно направленное къ отвлеченію рабочаго движенія отъ политики „войны до конца“. Этимъ отклоненіемъ Монатъ воспользовался для спубликованія протеста, въ которомъ онъ слагалъ съ себя представительство въ комитетѣ. То былъ первый актъ рѣзкаго *публичнаго* протеста противъ оффиціальной линіи.

Вскорѣ послѣ того секретари семи главныхъ синдикатовъ города Л і о н а, [1]) во главѣ съ секретаремъ биржи друда *Мильономъ*, опубликовала общую декларацію объ отношеніи организованнаго рабочаго класса къ событіямъ, формулировавшую „оппозиціонную“ точку зрѣнія въ весьма рѣшительной формѣ.

Этотъ первый періодъ „военной“ исторіи рабочаго движенія закончился союзно-соціалистической конференціей въ Лондонѣ (февраль 1915 года). По соглашенію между центрами партіи и Конфедераціи, французская делегація была составлена совмѣстно тѣмъ и другимъ (впервые въ исторіи французскаго движенія), при чемъ Конфедеральный комитетъ счелъ нужнымъ половину предоставленныхъ ему мандатовъ (2 изъ четырехъ) предоставить оппозиціонерамъ—Мерргейму и Бурдерону. Партійная часть делегаціи была составлена болѣе однородно, включая, однако, Жана Лонга, уже тогда выдѣлявшагося среди другихъ вліятельныхъ соціалистовъ стремленіемъ активно бороться съ волною шовинизма и защищавшаго въ «Humanité» англійскую независимую партію и итальянскихъ соціалистовъ отъ обычныхъ нападокъ.

[1]) Послѣ Парижа Ліонъ является главн. центромъ синдикалистскаго движенія.

Лондонская конференція, какъ извѣстно, высказалась по основнымъ вопросамъ въ духѣ оффиціальной идеологіи французскихъ и бельгійскихъ соціалистовъ, но въ деталяхъ сдѣлала извѣстныя формальныя уступки оппозиціи Независимой Раб. Партіи, которыя склонили делегатовъ послѣдней голосовать за резолюцію, несмотря на ея призывъ «воевать до конца». Меррге́ймъ и Бурдеронъ внутри французской секціи боролись противъ резолюціи, но въ пленумѣ своего протеста не заявили, что вызвало неодобреніе въ оппозиціонныхъ кругахъ [1]).

Къ этому моменту значительное большинство упомянутыхъ выше застрѣльщиковъ оппозиціи должно было сойти со сцены, благодаря послѣдовательнымъ новымъ мобилизаціямъ и призывамъ на строевую службу тѣхъ, кто первоначально былъ оставленъ „въ распоряженіи военныхъ властей", что было совмѣстимо съ общественной дѣятельностью. Такимъ путемъ изъ строя выбыли Нико́, Амедей, Дюнуа, Лафиттъ, Монаттъ, Розмеръ, Мильонъ и др.

---

[1]) Съ другой стороны, уже тогда крайне-правые элементы не скрывали своего недовольства уступками, которыя конференція сдѣлала, главнымъ образомъ, англичанамъ. Такъ, извѣстный бельгійскій лидеръ, Жюль Дестрэ, безпощадно высмѣялъ въ буржуазной французской прессѣ тенденцію конференціи представить цѣлью войны демократизацію Европы, находя радикализмъ ея резолюціи чрезмѣрнымъ. „Вы хотите, говорилъ онъ, устранить дипломатію отъ выработки услой мира и протестуете противъ всякой тайной дипломатіи, тогда какъ собственную конференцію устроиваете тайно, исключая гласность". Въ свою очередь, покойный Вайанъ хотя и подписалъ формулу резолюціи о необходимости опроса населенія Эльзаса-Лотарингіи для рѣшенія дальнѣйшей участи этой страны, вскорѣ уже заявилъ въ „Humanité" о неосновательности этого требованія, ибо-де воля народа вовсе не нуждается въ формальномъ актѣ голосованія для того, чтобы быть признанной. Эрве также подвергалъ критикѣ излишнія, по его мнѣнію, уступки англійскимъ интернаціоналистамъ.

3.

ОТЪ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ ДО ПАРТІЙНАГО КОНГРЕССА.

Январское совѣщаніе въ Парижѣ и Лондонская союзная конференція представляютъ собою первые изъ ряда типитныхъ для нынѣшняго французскаго соціализма съѣздовъ, изъ которыхъ каждый заканчивается констатированіемъ „полнаго единства", закрѣпленнаго единодушно принятой резолюціи, послѣ чего немедленно въ партіи открываются новые очаги недовольства и, казалось бы, рѣшенные, а на дѣлѣ замазанные, вопросы вновь встаютъ въ острой формѣ. Это одно уже свидѣтельствуетъ о наличности перманентнаго кризиса, какой-то внутренней болѣзни, подтачивающей организмъ партіи.

Если, съ одной стороны, обстоятельный докладъ Мергейма о дебатахъ въ Лондонѣ, подвергавшій критическому освѣщенію поведеніе французскихъ и бельгійскихъ лидеровъ на конференціи и распространенный въ оппозиціонныхъ кругахъ, сыгралъ извѣстную роль, то, съ другой, шумная дискуссія, поднятая по поводу Лондонскихъ рѣшеній въ буржуазной прессѣ и имѣвшая своимъ финаломъ бурные инциденты въ Палатѣ, немедленно подвергла жестокому испытанію готовность французскаго большинства держать свою дѣйствительную политику науровнѣ научныхъ формулъ, принятыхъ въ Лондонѣ.

„Буржуазная французская пресса атаковала конференцію и за ея попытку вмѣшаться въ внутреннія русскія дѣла (процессъ думскихъ депутатовъ), и за ея осужденіе дѣятельности всей (а не только германской) дипломатіи, и за ея противопоставленія германскаго правительства и юнкерства германскому народу, и за стремленіе обусловить возвратъ Эльзаса и Лоторингіи согласіемъ ихъ на-

селенія и, наконецъ, за категорическое отрицаніе всякихъ аннексій.

Съ особеннымъ негодованіемъ пресса осуждала участіе двухъ министровъ въ выработкѣ этихъ резолюцій. Въ этой формѣ вопросъ поставленъ былъ и передъ Палатой.

Соціалисты пытались защитить занятую ими въ Лондонѣ позицію. Но министръ-президентъ Вивіани, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ признавъ патріотическія заслуги соціалистовъ и ихъ право вести пропаганду своихъ взглядовъ, совершенно недвумысленно далъ понять, что отвѣтственные представители власти и въ пониманіи цѣлей войны вообще и въ отношеніи къ эльзасской проблемѣ въ частности не связываютъ себя опредѣленными демократическими формулами. Эльзассъ и Лотарингія, добавилъ премьеръ, будутъ возвращены Франціи во имя возстановленія нарушеннаго въ 1871 г. права. Премьеръ подчеркнулъ, что говоритъ отъ имени объединеннаго правительства,— т. е. въ томъ числѣ и отъ имени Самба и Гэда, подписавшихъ лондонскія резолюціи.

Все это еще не было пораженіемъ соціалистической партіи. Ея пораженіемъ было то, что она послѣ этого дезавуированія голосовала довѣріе министерству и въ своей печати стала защищать формулированныя премьеромъ цѣли и принципы внѣшней политики, соотвѣтственнымъ образомъ перетолкавывая лондонскія рѣшенія [1]).

Это одно должно было снова возбудить оппозиціонныя настроенія въ партіи. Въ то же время надежды на то, что Лондонское объединеніе союзниковъ явится лишь этапомъ къ возстановленію международныхъ связей, были обмануты: напротивъ, именно теперь лидеры партіи со

[1]) Это перетолковываніе побудило центральный комитетъ англійской независимой партіи сдѣлать оффиціальное заявленіе о томъ, что партія не считаетъ себя связанной лондонскими резолюціями, къ которымъ присоединились ея делегаты на конференціи (это присоединеніе, надо замѣтить, вызвало въ низахъ партіи большое недовольство)!

всей энергіей высказались противъ всякой попытки созыва пленарнаге засѣданія международнаго бюро.

Между тѣмъ, противорѣчія, заложенныя въ томъ „священномъ единеніи“, которое практиковала съ начала войны партія, раззертывались по мѣрѣ того, какъ проходили первыя впечатлѣнія паники, вызванной нашествіемъ, и общественная жизнь вводилась въ болѣе или менѣе нормальныя условія. Вопросы рабочей политики, внутренняго управленія, финансовой и экономической полититики вставали, благодаря войнѣ, въ очень острой формѣ, а связанная „національнымъ перемиріемъ“ и участіемъ въ министерствѣ партія оказалась вынужденной лавировать между требованіями своей программы и баязнью нарушить священное единеніе съ тѣми, которые несогласны подчинять свой классовый эгоизмъ никакимъ патріотическимъ соображеніямъ. Систематическое отступленіе на почвѣ гнилого и невыгоднаго компромисса, а то и безъ всякаго, даже видимаго, успѣха стало удѣломъ парламентской фракціи и партійнаго центра.

Совершенно то же происходило и въ области внѣшней политики, поскольку лидеры партіи еще пытались подчинить эту заповѣдную область жизнедѣятельности классоваго государства вліянію своихъ демократическихъ идей. Сентябрскій договоръ между союзными правительствами выдвигался неизмѣнно какъ ultima ratio противъ всякихъ попытокъ подвергнуть серьезному парламентскому контролю богатые послѣдствіями шаги французской дипломатіи на міровой аренѣ. Особенно это проявилось по отношенію къ балканской дипломатической эпопеѣ.

Но это безсиліе партіи въ сферѣ внѣшней политики лишь еще болѣе ярко подчеркивалось тѣмъ обстоятельствомъ, что видные дѣятели партіи, подобно своимъ нѣмецкимъ коллегамъ (Зюдекуму, Мюллеру и др.), могли безпрепятственно выступать въ роли оффиціозныхъ эмиссаровъ отечественной дипломатіи въ неожиданной роли подстрекателей соціалистическихъ партій нейтральныхъ

странъ въ борьбѣ за нарушеніе нейтралитета и вступленіе въ войну. Поѣздки депутата Марселя Кашена, секретаря Конфедераціи Жуо и другихъ дѣятелей въ Италію, усиливавшія расколъ въ мѣстномъ движеніи, не могли не вызвать смущеніе.

При такихъ условіяхъ внутренній кризисъ не могъ не развиваться.

Уже при рѣшеніи вопроса о вступленіи третьяго соціалиста—Альберта Тома въ составъ кабинета въ парламентской фракціи обнаружилась анти-министеріалистская оппозиція. Около двухъ десятковъ депутатовъ голосовали противъ этого вступленія. Въ Палатѣ депутатъ города Гренобля (Изеръ), Раффенъ Дюжансъ, началъ систематически голосовать противъ своей фракціи каждый разъ, какъ она вотировала довѣріе министерству. Къ этой „фрондѣ" подчасъ примыкали и нѣкоторые другіе соціалистическіе депутаты: Бланъ, Аристидъ Жоберъ, Жанъ Бонъ и др.

Въ апрѣлѣ 1915 года конференція одной изъ крупнѣйшихъ организацій партіи—Верхней Вьенны (центръ—гор. Лиможъ) —приняла рѣшеніе обратиться къ партіи съ документомъ, формулирующимъ точки зрѣнія и требованія партійной оппозиціи. Значительность организаціи, располагающей ежедневнымъ органомъ, и авторитетность именъ ея руководителей, занимавшіе до войны вліятельное положеніе въ „гэдистской" фракціи [1]) сдѣлали это выступленіе поворотнымъ моментомъ въ развитіи французской оппозиціи.

Въ своемъ документѣ лиможская оппозиція не возставала (да и не возстаетъ) принципіально противъ постулата необходимости защиты отечества,—постулата, на которомъ базируется оффиціальная политика партіи. Но она прин-

[1]) Депутаты Прессманъ, Вальеръ, Парви, редакторъ Поль Форъ, профессіоналистъ Ружери (секретарь биржи Труда въ Лиможѣ).

ципіально критикуетъ эту политику съ точки зрѣнія принциповъ классовой борьбы и международности, концентрируя свой протестъ прежде всего на отказѣ центровъ отъ возстановленія международныхъ связей. Лиможская оппозиція выступаетъ въ своемъ документѣ и въ своей позднѣйшей дѣятельности, какъ группа, принимающая совершенно въ серьезъ принципъ демократической и соціалистической политики „защиты отечества",—т. е. защиты, ни въ коемъ случаѣ и ни подъ какимъ соусомъ не превращающейся въ приумноженіе и обогащеніе отечества и ни при какихъ обстоятествахъ не смѣшивающей интересы отечества съ видами начальства и начальствующихъ классовъ и не примиряющей первыхъ со вторыми. Постольку въ ея построеніяхъ защита отечества не включаетъ въ себя ни отказа рабочей демократіи отъ своей классовой независимости, ни обязательнаго политическаго „сотрудничества", ни прекращенія интернаціонала. Съ точки зрѣнія, развитой въ „обращеніи" Верхней Вьенны, признаніе защиты отечества не требуетъ ни возложенія отвѣтственности за войну на одну націю—и постольку облегченія классовой отвѣтственности за нее какъ ее формулировала традиціонная идеологія соціалистовъ,—ни идеализаціи значенія побѣды защищающейся страны, какъ этапа историческаго прогресса. Тѣмъ самымъ позиція „лиможцевъ" объективно направляется не только противъ конкретной политики партійныхъ центровъ, но и противъ основныхъ устоевъ ихъ идеологіи, не смотря на то, что они сами воспринимаютъ всецѣло идею „самозащиты" и совершенно не ставятъ вопроса о зависимости между тѣмъ воплощеніемъ, которое она получила на практикѣ и которую они критикуютъ, и самымъ характеромъ и объективнымъ содержаніемъ мірового конфликта, разсматриваемаго, какъ необходимое звено въ цѣпи историческаго развитія.

Характеризуемая нами здѣсь позиція, отличающаяся крайнимъ эмпиризмомъ и отсутствіемъ прочной теоретической базы, не могла оградить ея адептовъ отъ самыхъ

очевидныхъ противорѣчій и обезпечить ихъ политикѣ должную устойчивость и послѣдовательность. Въ этомъ ея основная слабость. Но именно потому, что она проникнута крайнимъ эмпиризмомъ и что она, въ сущности является развитіемъ идей, общепризнанныхъ наканунѣ войны, — идей, въ сознаніи лидеровъ большинства весьма преобразившихся подъ вліяніемъ сокрушающей логики грандіозныхъ событій,—именно потому, что, базируясь, такъ сказать, на „среднемъ партійномъ сознаніи", она игнорируетъ новыя для рабочей демократіи проблемы, обнаружившія историческую ограниченность и противорѣчивость традиціонной идеологіи,—именно поэтому, она должна была стать особенно опасной для оффиціальной партійной политики, особенно пригодной для сплоченія всѣхъ элементовъ, чье недовольство питается раскрывающимся въ дѣйствіи противорѣчіемъ между исходнымъ пунктомъ самозащиты національной и изначальнымъ постулатомъ самозащиты классовой. Въ этомъ ея сила, какъ и сила всякаго „болота" въ такіе моменты, когда отставшее отъ бытія коллективное сознаніе испытываетъ потребность наскоро, въ ходѣ быстро текущихъ событій, приспособиться къ этому измѣненію, не имѣя возможности сдѣлать „остановку", необходимую для основательной „ревизіи" отживающихъ элементовъ идеологіи.

Обращеніе Верхней Вьенны, дѣйствительно, оказало весьма замѣтное дѣйствіе на ходъ партійной жизни. Рядъ партійныхъ федерацій присоединился къ ея практическимъ заключеніямъ (возобновленіе междунар. бюро, согласіе на миръ безъ аннексій, отказъ отъ тактики примиренія съ политической и соціальной реакіей), либо, какъ федерація Верхней Гаронны (Тулуза), формулировалъ въ особыхъ деклараціяхъ, аналогичную критику партіи. Въ то же время обращеніе Верхней Вьенны поставило вопросъ о неправомѣрности того факта, что политика партіи односторонне рѣшается соціалистическими министрами, парламентской фракціей и центральнымъ комитетомъ. Тре-

бованіе опроса партіи путемъ созыва конгресса предъявляется все чаще и настойчивѣе.

На лиможское обращеніе Ц. К. партіи отвѣтилъ окружнымъ посланіемъ, опровергавшимъ выдвинутыя противъ него оппозиціей обвиненія. Но на требованіе о контролѣ партіи надъ центрами пришлось отвѣтить уступкой. На 14 іюля былъ назначенъ „Совѣтъ“ (конференція) партіи, который долженъ былъ, между прочимъ, рѣшить вопросъ о созывѣ съѣзда.

Національный Совѣтъ, собравшійся въ Парижѣ 14 іюля 1915 г., былъ ареной первой схватки оппозиціи съ большинствомъ въ обще-французскомъ масштабѣ. Эта первая битва кончилась для оппозиціи весьма не почетно. Располагая около четверти всего числа делегатовъ, она ухитрилась отступить въ полномъ безпорядкѣ подъ натискомъ вождей партіи и приглашеннаго на помощь Вандервельда, которыхъ ея ораторы—Поль Форъ, Прессманъ, депутатъ Мистраль,—подвергли жестокой критикѣ. Отступленіе произошло въ формѣ согласія на выработку „единодушной“ резолюціи, при составленіи которой лиможцы, отъ уступки къ уступкѣ, согласились отказаться отъ всѣхъ требованій, формулированныхъ въ весеннемъ обращеніи Верхней Вьенны, и принять въ основныя положенія „жюскабутизма“, лишь подвергшіяся редакціонному смягченію. Позднѣе оппозиція объясняла этотъ результатъ своей полной неорганизованностью, отсутствіемъ на ея сторонѣ „именъ“, могущихъ импонировать рядовымъ работникамъ передъ лицомъ сплоченно дѣйствовавшаго генеральнаго штаба партіи; наконецъ, хитро-умными манерами этого штаба. Какъ бы то ни было, достигнутое „единодушіе“ было того сорта, при которомъ буквально на слѣдующій день все начинается сначала и „объединившіеся“ начинаютъ свирѣпо спорить о происхожденіи и значеніи тѣхъ, по преимуществу придаточныхъ предложеній, словечекъ, или же знаковъ препинанія, въ которыхъ де можно открыть „моральную побѣду“ одной стороны надъ другой.

Немудрено, что исходъ конференціи 14 іюля вызвалъ среди взбудораженныхъ круговъ оппозиціи глубокое разочарованіе. Его непосредственнымъ результатомъ было рѣшеніе руководящихъ элементовъ оппозиціи въ Конфедераціи Труда отвергнуть какіе-бы то ни было компромиссы со своимъ центромъ на предстоявшемъ конгрессѣ Конфедераціи, созыва котораго добивалась синдикальная оппозиція, и который состоялся въ Парижѣ 15 августа.

Дѣйстительно, хотя руководимое Жуо большинство конгресса, по сравненію съ партійнымъ большинствомъ, проявляло извѣстную готовность къ уступкамъ не только формальнаго рода, но и по существу, образовавшееся на конгрессѣ подъ предводительствомъ Меррге́йма и Бурдерона, меньшинство, собравшихъ около 1/4 голосовъ (31) добилось постановки на голосованіе своей резолюціи-декларації, въ которой въ ясной формѣ были выражены принципы, позднѣе названные" циммервальдскими": Резолюція, отвергнутая большинствомъ, получила голоса ряда крупныхъ централизованныхъ профессіональныхъ организацій (металлистовъ, учителей и др.) и ряда биржъ труда и союзовъ синдикатовъ, въ томъ числѣ такихъ крупныхъ центровъ, какъ Ліонъ, Лиможъ, Сантъ-Этьенъ, Марсель, и была этими организаціями опубликована, какъ ихъ совмѣстная платформа.

На основаніи этого голосованія, между прочимъ, послѣдовала извѣстная поѣздка Меррге́йма и Бурдерона въ Циммервальдъ. Тѣмъ самымъ было положено основаніе оформленію болѣе рѣшительнаго крыла оппозиціи.

Зимою 1915—16 гг. „циммервальдисты" образовали въ Парижѣ" комитетъ для возстановленія международнаго дѣйствія", оффиціально признавшій Бернскую коммиссію и составленный изъ двухъ секцій: синдикальной и партійной. Дѣятельность комитета выражалась въ изданіи и распространеніи соотвѣтствующихъ обращеній и информаціонныхъ и синдикальныхъ собраній [1]).

[1]) Публичныя въ громадномъ большинствѣ случаевъ не дозволялись властями.

Усиленіе оппозиціи вообще и появленіе внутри партіи оппозиціи циммервальдской сдѣлало то, что выборы въ организаціяхъ на партійный конгрессъ, назначенный на Рождество 1915 года, прошли всецѣло подъ знакомъ борьбы между большинствомъ и меньшинствомъ.

На конгрессѣ, какъ и на конференціи, представительство, въ виду условій военнаго времени, было организовано по нормамъ послѣдняго до-военнаго года. Это одно уже не позволяло-бы судить по результатамъ голосованія о соотношеніи силъ между теченіями. Дѣло еще болѣе осложняется тѣмъ, что руководители партіи организовали фиктивное представительство организацій окуппированныхъ нѣмецкими войсками департаментовъ, фактически, разумѣется, совершенно отрѣзанныхъ отъ партіи и отъ Франціи, но имѣющихъ въ Парижѣ свое замѣстительство въ видѣ группъ бѣженцевъ и ихъ депутатовъ. Разумѣется, эти группы составляютъ лишь ничтожную часть партійной массы соотвѣтствующихъ районовъ. Между тѣмъ, на совѣщаніяхъ партіи имъ принадлежитъ около $^1/_4$ всѣхъ мандатовъ, такъ какъ германскими войсками оккупированы такіе крупные центры рабочаго движенія какъ Лиль, Рубэ, Лансъ, Армантьеръ, Валянсіенъ и др. бывшіе до войны цитаделями партіи.

На конгрессѣ партіи, несмотря на значительно-обострившіяся съ іюля отношенія, — оппозиція, на этотъ разъ имѣвшая своимъ вождемъ, рядомъ съ Прессманомъ, Жана Лонгэ, снова повторила іюльскій экспериментъ выработки „единодушной“ резолюціи, сочтя достаточнымъ для этого основаніемъ согласіе большинства включить въ нее весьма уклончивое признаніе возможности возстановленія международныхъ связей въ тотъ моментъ, когда германская соціалъ-демократія или ея меньшинство „совершитъ рѣшительныя дѣйствія“ въ духѣ борьбы съ германскимъ имперіализмомъ. За эту, поистинѣ, чечевичную похлебку меньшинство, руководимое Прессманномъ и Лонгэ допустило отдѣлить себя отъ „циммервальдцевъ“, которые

не согласились голосовать за резолюцію, освящающую политику оффиціальныхъ центровъ, и „сосчитали с ои голоса“ на собственномъ проектѣ, формурирующемъ desiderata циммервальдскаго манифеста. За резолюцію Бурдерона голосовало всего 76 мандатовъ, голоса широкой оппозиціи безслѣдно растворились въ большинствѣ, достигшемъ 2736 голосовъ *) (102 воздержались).

4.

ПОСЛѢ ПАРТІЙНАГО КОНГРЕССА.

И опять, на второй же день послѣ конгресса обѣ стороны противостали другъ противъ другу съ еще большей враждебностью, чѣмъ наканунѣ его, несмотря на единодушное“ голосованіе. Оппозиція, доказывая, что въ Германіи уже имѣется меньшинство, удовлетворяющее условіямъ резолюціи конгресса, требовала отъ центра согласіе на возобновившіяся попытки Камилла Гюисманса добиться созыва международнаго бюро; большинство опять сбивалось на безусловное отрицаніе возможности международной акціи, пока задача обороны не выполнена. Въ то же время на мѣстахъ, подъ вліяніемъ критики циммервальдцевъ, оппозиція упрекала своихъ делегатовъ въ уступчивости по отношенію къ большинству, которую они проявили на конгрессѣ.

Согласно рѣшенію послѣдняго, уже черезъ $3^1/_2$ мѣсяца (9 апрѣля) долженъ былъ быть вновь созванъ партійный „Совѣтъ“ для разсмотрѣнія вопросовъ, которыми Конгрессъ не успѣлъ заняться. На дѣлѣ и этому Совѣту вновь суждено было повторить ту же картину дебатовъ,

---

*) Мандатъ приходится на 25 членовъ, состоявшихъ въ организаціи въ 1914 году.

которые происходили въ іюлѣ и декабрѣ прошлаго года. Но результатъ дебатовъ былъ на этотъ разъ противоположнымъ. Эра показного единодушія закончилась.

Въ процессѣ агитаціи предшествовавшей новому Совѣту, самосознаніе оппозиціи сдѣлало дальнѣйшіе шаги. Отдѣльныя организаціи, выбирая делегатовъ, давали имъ мандатъ, идущій далѣе рамокъ осторожности и лояльности, въ которыя дѣятельность оппозиціи была заключена стараніями Прессмана и Лонгэ. Такъ, федерація департамента Воклюзъ давала своимъ делегатамъ наказъ добиться, во что бы то ни стало, согласія партіи на возстановленіе международныхъ связей; въ случаѣ же неуспѣха, уполномочивала ихъ добиваться того, чтобы оппозиція взяла на себя эту задачу помимо партійныхъ центровъ. Федерація Верхней Марны [1]) въ предложенномъ ею оппозиціоннымъ организаціямъ проектѣ общей декларації призываетъ согласиться о томъ, чтобы отвергать въ будущемъ всякія, двусмысленныя формулы тщетнаго и обманчиваго единодушія".

Этотъ проектъ декларації представляетъ дальнѣйшее углубленіе и обоснованіе той критики большинства, которая годъ тому назадъ начата обращеніемъ Верхней Вьенны. Исходный пунктъ критики остается тотъ-же: „несомнѣнно, что въ тотъ день, когда французская территорія подверглась нашествію, война представлялась нарсду, какъ война защитительная, въ которой на карту поставлена свобода и цѣлость націи". Поэтому соціалисты должны отвѣтить прямо на вопросъ, хотятъ ли они итти съ правительствами „до конца", то есть, до пораженія и капитуляціи противниковъ, или они желаютъ", чтобы война остановилась тотчасъ же, какъ станетъ возможнымъ вести переговоры на основѣ равноправія? Переговоры или капитуляція?"

---

[1]) Во главѣ ея стоитъ талантливый молодой публицистъ Рауль Верфейль.

Соціализмъ, присвоилъ себѣ войну. Война стала его союзницей и даже его орудіемъ, какъ для другихъ она является орудіемъ, Промысла божьяго.

Всесбщая побѣда союзныхъ правительствъ надъ центральными имперіями объявляется равнозначущей съ рѣшительной побѣдой мира надъ войною. Обединиться съ правительствами, втравивъ націи въ отчаянную войну,—вотъ новый методъ, усвоенный соціализмомъ для безошибочнаго установленія режима прочнаго мира между народами".

„Этого прочнаго мира никогда не будетъ, если секціи рабочаго Интернаціонала вступятъ между собою въ сношенія и займутся вопросомъ о немъ. Отношенія, основанныя на разумѣ и правѣ, должны завязаться черезъ посредство правительствъ: ибо одни они заслужили довѣріе народовъ своей преданностью имъ и своей проницательностью, своей постоянной любовью къ миру и справедливости... Было бы неприлично и гибельно, если-бъ соціалисты Франціи и Германіи сблизились и стали работать надъ дѣломъ освобожденія: никакихъ подозрительныхъ компромиссовъ, никакого созыва рабочаго Интернаціонала, пусть германскіе и французкіе дипломаты сойдутся когда-нибудь, тѣмъ лучше. Не рабочіе, а правительства должны первые протянуть другъ другу руки".

Призывая къ борьбѣ съ этимъ credo, „проектъ требуетъ, чтобы" партія вернула себѣ и всѣми средствами проявляла свою полную независимость по отношенію къ правительству; дѣло ея избранниковъ въ парламентѣ не министерствами завѣдывать, но защищать жизнь и интересы народа...

На Совѣтъ оппозиція, дѣйствительно, явилась въ болѣе рѣшительномъ настроеніи, чѣмъ въ предыдущіе разы. О выборахъ единой (съ большинствомъ) резолюціи уже не было рѣчи: двѣ политическія линіи столкнулись непримиримо и самая правая часть оппозиціи демонстрировала новую ситуацію, поставивъ вопросъ объ исключеніи изъ

партіи Густава Эрве за его пропаганду полной ликвидаціи прежней программы. „Лонгетисты“ (сторонники Лонге) проявили на этотъ разъ стремленіе итти вмѣстѣ съ „циммервальдцами“, которые до тѣхъ поръ ихъ шокировали и отпугивали равнодушіемъ къ подчеркиванію тезиса о „самозащитѣ“; въ свою очередь, циммервальдцы готовы были итти вмѣстѣ со всей оппозиціей, сосредоточивъ борьбу противъ большинства на одномъ опредѣленномъ и наиболѣе уязвимомъ пунктѣ на вопросѣ о созывѣ международнаго бюро. Такимъ образомъ, бой былъ данъ на болѣе тѣсномъ полѣ, чѣмъ захваченное критикой проекта Верхней Марны: ни о цѣляхъ войны, ни о сотрудничествѣ классовъ въ проектѣ резолюціи, объединившей расширенное меньшинство на Совѣтѣ 9 апрѣля, не говорилось. Голосуя за нее, циммервальдцы сочли, поэтому, нужнымъ сдѣлать заявленіе о томъ, что резолюція не выражаетъ всей ихъ точки зрѣнія и не формулируетъ всѣхъ ихъ требованій.

Требованіе о возстановленіи международныхъ связей было послѣ страстныхъ дебатовъ отвергнуто большинствомъ 1900 съ лишнимъ мандатовъ противъ 960. Отнынѣ раздѣленіе межцу большинствомъ и расширенной оппозиціей становится зафискированнымъ; партійный кризисъ вступаетъ въ новую фазу.

Въ то время, какъ вожди меньшинства 9 апрѣля основываютъ новый еженедѣльникъ („le Populaire“), долженствующій служить дѣлу организаціи и прибавляющійся къ тремъ провинціальнымъ ежедневнымъ органамъ („Populaire du Centre“ въ Лиможѣ, „Cri du Peuple“ въ Греноблѣ и „Midi Socialiste“ въ Тулузѣ), ведущихся въ духѣ меньшинства,— три депутата, Бризонъ, Раффенъ Дюжансъ и Бланъ, рѣшаются бросить большинству вызовъ, отправившись на конференцію въ Кинталь. Этотъ шагъ, произведшій чрезвычайную сенсацію въ странѣ, привелъ къ крайному обостренію внутр. партійныхъ отношеній. Центральный Комитетъ („Постоянная комиссія“) пытается призвать трехъ „паломниковъ“ къ порядку, но встрѣчаетъ съ ихъ стороны

отказъ явиться для объясненій или „встрѣчный искъ“ о нарушеніи центромъ партійной программы депутатовъ Раффенъ Дюжансъ и Блана представляемыя ими организаціи покрываютъ своимъ рѣшеніемъ, а всѣмъ тремъ рядъ организацій посылаетъ выраженіе солидарности послѣ того, какъ въ парламентѣ представители буржуазныхъ партій устраиваютъ каждому изъ нихъ скандалъ, воспользовавшись подходящимъ случаемъ.

Но три „кинтальца“ идутъ дальше. Въ Палатѣ при обсужденіи очередныхъ кредитовъ они отдѣляются отъ фракціи и голосуютъ противъ послѣ прочтенія Бризономъ декларації, вызывзющей крики негодованія не только со стороны буржуазныхъ партій, но и нѣкоторыхъ представителей „большинства“.

„Циммервальдизмъ, такимъ образомъ проникъ и въ Палату депутатовъ, усиливаясь за счетъ болѣе умѣренной части оппозиціи. Послѣдняя въ Палатѣ насчитываетъ около 30 депутатовъ, болѣе или менѣе сильно тяготеющихъ къ Ж. Лонге и Прессману.

Теперь уже „большинство“ считаетъ необходимымъ перейти отъ обороны къ нападенію. Постоянная комиссія, созывая на 6-ое августа очередной Совѣтъ, ставитъ въ порядкѣ дня вопросъ о практическихъ выводахъ изъ декларативной резолюціи, принятой декабрьскимъ конгрессомъ; ея сторонники вносятъ формальное предложеніе преданіе партійному суду трехъ „кинтальцевъ“.

На августовскомъ Совѣтѣ оппозиція оказалась болѣе значительной, чѣмъ въ апрѣлѣ; рядъ мандатовъ былъ ею при выборахъ отвоеванъ у „большинства“. Такъ, въ парижской (Сенской) федераціи на этотъ разъ оппозиція при голосованіи „по платформамъ“ собрала 4900 голосовъ противъ 5200, выигравъ, такимъ образомъ, около 1000 голосовъ со времени предыдущаго Совѣта. Представительство ряда крупнѣшихъ центровъ движенія—Ліона, Марселя, Лиможа, Бреста, Тулузы, Сантъ-Этьэна, Крезо, Труа,

Тура, Сантъ-Дени, находится въ рукахъ оппозиціи. [1]) Вообще-же, изъ 34 федеральныхъ организацій, изъ которыхъ состоитъ партія, 39 на августовскомъ Совѣтѣ голосовало въ духѣ меньшинства и 3 воздержалось, тогда какъ всего 37 стояло за большинство.

„Большинство" августовскаго Совѣта, само на этотъ разъ не склонное искать компромисса, въ своей резолюціи не только не признало обстоятельства созрѣвшими для созыва Межд. бюро, но еще и отягчило въ своей резолюціи тѣ условія, при наличности которыхъ оно выражало раньше готовность „встрѣтиться" съ нѣмецкими соціалистами. Всѣмъ предложеніямъ о созывѣ этого бюро оно противопоставило рѣшеніе созвать новую конференцію „союзниковъ" и, когда Лонгэ пытался придать характеръ этому созыву пролога къ возстановленію прежняго международнаго организма, оно точно опредѣлило, что конференція этого именно вопроса касаться не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство въ своей резолюціи осудило, какъ противорѣчащіе соціализму, какъ отказъ отъ идей защиты отечества, такъ и отказъ отъ критерій „виновности" отдѣльныхъ странъ въ конфликтѣ, какъ основъ для опредѣленія отношенія рабочаго класса. Какъ объяснилъ авторъ резолюціи П. Ренодель, эти отличающіе пункты должны были послужить своего рода лакмусовой бумагой для отдѣленія оппозиционной массы отъ безнадежныхъ „цимервальцевъ", для изоляціи послѣднихъ и, вѣроятно, для послѣдующей „расправы" со стороны большинства. Но пра-

[1]) Густавъ Эрвэ сдѣлалъ попытку объяснить развитіе „оппозиціи" крестьянскимъ характеромъ французской соціалистич. партіи и крестьянской эгоистически- консервативной традиціей, которая въ 1871 г. привела къ избранію Версальскаго реакціоннаго Національнаго Собранія. Основывался Эрве на томъ, что всѣ три депутата—„кинталь-ца" представляютъ въ Палатѣ сельскіе округа. Что значительная часть республикански-настроеннаго крестьянства во Франціи отнюдь не настроена, какъ Эрвэ, совершенно вѣрно, но это не устраняетъ того факта, что „оппозиція" пустила глубокіе корни въ промышленныхъ центрахъ.

вые элементы оппозиціи упорно отказались отъ голосованія отдѣльныхъ тезисовъ резолюціи (помимо голосованія ея въ цѣломъ) и когда такое голосованіе было рѣшено, вся оппозиція уклонилась отъ него, покинувъ залъ засѣданія съ пѣніемъ „Интернаціонала“.

Изъ среды «меньшинства» на Совѣтѣ былъ представленъ рядъ проектовъ резолюціи. Федерація Верхней Марны развила въ своемъ проектѣ идеи, выраженныя ею въ апрѣлѣ. Федерація Уазы внесла предложеніе объ отозваніи министровъ. Депутатъ П. Бризонъ представилъ отъ имени 12 федерацій декларативную резолюцію, требующую: 1) созыва международнаго конгресса на 2-е ноября; 2) „прекращенія участія въ министерствѣ“; 3) предъявленія въ Палатѣ требованія о предложеніи арбитража для рѣшенія конфликтовъ.

Но эти радикальные проекты резолюціи не были поставлены на голосованіе Совѣта, такъ какъ меньшинство, подъ давленіемъ Лонгэ и другихъ умѣренныхъ элементовъ, столковалось на одной общей резолюціи, требовавшей только согласія на созывъ Межд Бюро и оставлявшей безъ отвѣта остальные спорные вопросы.

Эта резолюція (резолюція Мистраля) собрала 1081 голосъ (противъ 260 въ апрѣлѣ). Резолюція Реноделя принята 1857 голосами (меньше почти на 100 голосовъ). 17 голосовъ воздержалось.

Оппозиція настойчиво утверждаетъ, что эти цифры не выражаютъ дѣйствительнаго соотношенія силъ и что, еслибъ на Совѣтѣ не были—какъ она требовала—допущены делегаты, номинально представляющіе крупныя организаціи оккупированныхъ департаментовъ (Сѣвернаго, Па-де-Кале, Арденнъ и др.), а реально — группы „бѣженцевъ“ изъ этихъ департаментовъ, находящіяся въ Парижѣ, то большинство упало бы на 660 голосовъ и почти сравнялось-бы съ меньшинствомъ.

Послѣ августовскаго Совѣта Верфейль писалъ: „6-го августа большинство, желаетъ ли оно того или нѣтъ, пор-

зало, быть можетъ, окончательно съ Интернаціоналомъ и намѣтило, исходя изъ національной точки зрѣнія, основанія новой политики, абсолютно противоположной той, которая имѣла мѣсто до 4-го августа 1914 г.".

18-го сентября въ Палатѣ Депутатовъ министръ-президентъ Бріанъ рѣзко дезавуировалъ деп. Бризона, и обѣщалъ борьбу „всѣми средствами" противъ несвоевременной пропаганды мира.

Буржуазныя партіи требовали расклейки этой рѣчи во всѣхъ коммунахъ партіи и при голосованіи этого вопроса соціалистическая фракція распалась на три приблизительно равныя части: одна, во главѣ съ министрами, голосовала за, другая (въ томъ числѣ лидеры большинства Бракъ, Ренодель, Кашенъ) воздержалась, тогда какъ 26 депутатовъ голосовали противъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого при новомъ голосованіи военныхъ кредитовъ три «кинтальца» оказались вновь изолированными, а день спустя парламентская фракція особой резолюціей осудила ихъ парламентскія выступленія [1]).

Состоявшаяся въ іюлѣ „синдикальная" конференція „союзниковъ" въ Лидсѣ знаменовала собою новое обостреніе отношеній между большинствомъ и оппозиціей внутри Конфедераціи. Федерація металлурговъ и другія организаціи протестовали противъ участія Конфедераціи въ этой конференціи. Федерація металлурговъ въ своемъ протестѣ писала, что конференція изъ синдикатовъ однѣхъ лишь союзныхъ странъ не можетъ быть понята иначе, какъ въ смыслѣ болѣе тѣснаго сотрудничества ихъ съ собственными правительствами и безотговорочной поддержки тѣхъ правительствъ, чьи имперіалистическія цѣли, санкціонирован-

---

[1]) Послѣднія выступленія „кинтальцевъ" въ Палатѣ, демагогически использованныя врагами демократіи, вызвали такую панику среди умѣренной части оппозиціонныхъ депутатовъ, что она, вопреки противодѣйствію самого Лонгэ, согласилась подписать совмѣстно съ большинствомъ декларацію.

ныя формальными договорами, уже не могутъ быть ни для кого тайной и т. д.

5.

ИДЕЙНОЕ НАСЛѢДІЕ КЪ МОМЕНТУ КРИЗИСА.

Ни одна рабочая партія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія не занималась въ такой мѣрѣ, какъ французская, вопросомъ о «военной опасности», средствахъ ея устраненія и положеніемъ, которое долженъ будетъ занять рабочій классъ по отношенію къ ней. Съ 1905 года почти не проходитъ конгресса партіи или конфедераціи труда, на которомъ эти вопросы не дебатировались бы съ большой страстностью; и французы же всего чаще поднимали ихъ на международныхъ конгрессахъ и конференціяхъ.

Этому была своя причина. Подобно всѣмъ остальнымъ крупнымъ европейскимъ государствамъ, Франція была вовлечена въ водоворотъ тѣхъ великихъ имперіалистическихъ антагонизмовъ, развитіе которыхъ привело къ катастрофѣ. Но, благодаря замедленному темпу экономическаго развитія самой Франціи, ея роль въ этомъ, стремительно развивавшемся процессѣ была относительно пассивной, ея собственныя, отечественнымъ имперіализмомъ выставляемыя, цѣли занимали второстепенное мѣсто въ ходѣ событій, подготовлявшихъ катастрофу, а потому не только ея рабочій классъ, но и самые широкіе круги крестьянства и среднихъ слоевъ населенія вплоть до не малой части буржуазіи, чувствовали, что какая то роковая, чуждая имъ сила влечетъ ихъ отечество къ невѣдомымъ судьбамъ. Въ качествѣ самой чуткой части демократіи, рабочій авангардъ отразилъ эти настроенія, когда пытался дѣйственно вмѣшаться въ стихійный процессъ, ведущій къ катастрофической развязкѣ.

Синдикалистское крыло рабочаго движенія, къ которому идейно примыкалъ Г. Эрве и его «нео-бланкистскіе» послѣдователи, пыталось рѣшить проблему метафизическимъ абсолютнымъ противопоставленіемъ классовой идеи идеѣ отечества, радикальнымъ отрицаніемъ патріотизма. Анархо-синдикалисты выступали не какъ „а-патріоты", а какъ анти-патріоты. „Всѣ отечества стоятъ другъ друга", объявляли они рабочему классу и, если и не являлись „пораженцами" для своей страны, то категорически отрицали какую бы то ни было заинтересованность пролетаріата въ охранѣ цѣлости и независимости отечества. Свою центральную практическую идею „сорвать" начинающуюся войну рѣшительными дѣйствіями, — они пріурочивали ко всякой войнѣ и еще за два мѣсяца до начала нынѣшней войны, они на конгрессѣ Конфедераціи приняли задорную резолюцію, обѣщавшую примѣненіе этихъ средствъ «независимо отъ того, будетъ ли эта война для Франціи оборонительной или наступательной».

Теперь, заднимъ числомъ, нетрудно убѣдиться въ томъ, что не ускользало и прежде отъ нѣкоторыхъ наблюдателей французскаго синдикализма: именно, что эта безоговорочно-радикальная формулировка его позиціи по отношенію къ грядущей войнѣ имѣла психологическимъ основаніемъ надежду страхомъ внутреннихъ осложненій парализовать воинственную энергію имперіалистскихъ кликъ и тѣмъ избавить націю отъ кроваваго испытанія. Но, не отдавая себѣ отчета въ томъ положеніи, въ которомъ на дѣлѣ окажется рабочій классъ въ случаѣ наступленія войны, и закрѣпляя, для пущей убѣдительности, свои угрозы формальными обязательствами и непримиримо-антипатріотическими формулами, синдикалисты должны были вступить въ вопіющее противорѣчіе со всѣмъ своимъ credo въ тотъ моментъ, когда, вопреки ихъ представленіямъ, катастрофа наступила и когда приходилось его примѣнить на практикѣ. Дѣйствительно, ни одна изъ фракцій международной демократіи не ока-

оказалась въ такомъ неприкрытомъ противорѣчіи со своими вчерашними деклараціями, какъ синдикалистская (въ лицѣ ея меньшинства). Не даромъ французская федерація металлистовъ въ уже упомянутомъ протестѣ противъ участія Конфедераціи Труда въ «союзной» конференціи въ Лидсѣ, заявляетъ:

«Французскому конфедеральному большинству не къ лицу давать нѣмецкимъ рабочимъ совѣты революціоннаго поведенія въ такой моментъ, когда послѣдніе могутъ констатировать жалкое банкротство методовъ дѣйствія французскаго синдикализма, отвергшаго въ лицѣ своихъ главныхъ вождей, свои основные принципы».

И въ самомъ дѣлѣ. Антимилитаристская теорія синдикалистовъ оказалась цѣликомъ разсчитанной на возможность для «иниціативнаго меньшинства» измѣнить по произволу ходъ событій и въ моментъ наивысшаго напряженія энергіи классавого общества ниспровергнуть путемъ рѣшительныхъ дѣйствій всѣ его устои; а вѣра въ эту возможность опиралась на наивно-метафизическое представленіе о томъ, что рабочій, какъ таковой, антипатріотиченъ по существу—во всѣхъ широтахъ и долготахъ, во всѣ моменты исторіи—и не чувствуетъ никакихъ точекъ соприкосновенія своихъ интересовъ съ интересами націи. Констатировавъ въ первомъ своемъ воззваніи послѣ объявленія войны, что силы рабочаго класса оказались недостаточны не только для того, чтобы предовратить ее, но и чтобы осуществить синдикалистскую программу дѣйствій, предусмотрѣнныхъ въ случаѣ ея наступленія, синдикалистскіе вожди Конфедераціи, не удержавшись на этой позиціи, затѣмъ весьма быстро покатились по наклонной плоскости превращенія того, что, съ ихъ точки зрѣнія, являлось «нуждой»—въ «добродѣтель» и свое безсиліе передъ лицомъ событій,—стали тщательно замазывать идеологіей націоналистскаго «пріятія», идя на поводу у буржуазно-демократическихъ, а въ лучшемъ случаѣ у соціалистическихъ патріотовъ.

Нереальность и не историчность постановки вопроса

объ отечествѣ и войнѣ, дававшаяся анархо-синдикалистами, въ свое время не укрылись отъ вниманія старѣйшей французской соціалистической фракціи—отъ гэдистовъ, находившихся подъ наибольшимъ вліяніемъ нѣмецкаго марксизма. Они выступили въ рабочемъ движеніи наиболѣе рѣшительными противниками синдикалистскаго анти-патріотизма и анти-милитаризма, и въ ихъ критикѣ этихъ ученій было не мало здраваго смысла и политической проницательности. И прежде всего они, по сравненію съ синдикалистами, гораздо болѣе реалистически учитывали то положеніе, въ которомъ окажется рабочая демократія, разъ война вспыхнетъ: они указывали на то, что ни въ одной странѣ, если дѣло дойдетъ до всемірной войны, рабочія массы, стоя передъ лицомъ грозной и вполнѣ реальной опасности, связанной для нихъ съ нашествіемъ, аннексіями, контрибуціями и т. д., не рѣшатся производить синдикалистскій экспериментъ «срыванія» войны путемъ сознательной дезорганизаціи обороны, съ рискомъ оказать прямую помощь правительствамъ противоположной стороны. Неоднократно, поэтому, они заявляли подобно нѣмецкимъ марксистамъ, что, въ случаѣ нашествія, соціалъ-демократія приметъ участіе въ защитѣ страны. Но никогда при этомъ они не придавали этому участію характеръ прекращенія внутренней борьбы классовъ. Напротивъ. Ни одна національная секція марксистовъ не подчеркивала съ такой энергіей и категоричностью недопустимость отказа отъ классовой борьбы или смягченіемъ ея, ни при какихъ обстоятельствахъ, какъ именно гэдистская; ни одна другая на международныхъ конгрессахъ не возставала такъ рѣшительно противъ какихъ бы то ни было ограниченій запрета голосовать за бюджетъ классоваго государства и т. д. Когда на Парижскомъ международномъ конгрессѣ 1900 года впервые былъ поставленъ вопросъ объ участіи соціалистовъ въ правительствѣ и рѣшенъ резолюціей Каутскаго, отвергавшей это участіе, какъ общее правило, но оговаривавшей возможность отступленія въ случаѣ исклю-

чительныхъ обстоятельствъ, Жюль Гэдъ и его друзья голосовали противъ этой «каучуковой» резолюціи и были поддержаны, кстати сказать... Г. В. Плехановымъ, и впослѣдствіи въ русской печати выступившимъ съ критикой парижской резолюціи.

Признаніе долга защиты отечества при настаиваніи на невозможности отказа отъ классовой непримиримости ни при какихъ обстоятельствахъ должно было приводить къ тому выводу, что самое участіе въ оборонѣ должно будетъ совершаться въ процессѣ энергичнаго наступленія на позиціи враждебнаго класса въ собственной странѣ, — наступленію, возможному, благодаря тому общему кризису, который порождается всякой войной. Это вполнѣ соотвѣтствовало французскимъ демократическимъ традиціямъ,— традиціямъ 1793 и 1871 годовъ. На конгрессѣ въ Нанси (1907 г.) Поль Лафаргъ заявилъ, что пролетаріатъ, въ случаѣ войны, встанетъ на защиту страны, но поставитъ условіемъ, чтобы общественное богатство, которое онъ будетъ отстаивать, стало собственностью общества... Въ 1913 году Жюль Гэдъ далъ иначе звучащій, но, по существу, однородный отвѣтъ: рабочій классъ отстоитъ свою страну, чтобы затѣмъ, пользуясь полученной матеріальною силой, уже не вернуться къ своему прежнему подчиненному положенію...

Всѣ подобные отвѣты, какъ аналогичные отвѣты, дававшіеся нѣкоторыми германскими марксистами, отличались тѣмъ, что, оперируя съ представленіями, заимствованными изъ предыдущей исторической эпохи, не учитывали своеобразія условій, созданныхъ наступленіемъ имперіалистской эры. И прежде всего они предполагали, какъ исходную точку, борьбу между отдѣльными государствами, а не между коалиціями государствъ, слѣдовательно, самостоятельность отечества въ постановкѣ цѣлей борьбы и выборѣ средствъ борьбы, слѣдовательно, установленіе отношеній между рабочимъ классомъ и націей въ цѣломъ въ зависимости исключительно или преимущественно отъ клас-

совыхъ взаимоотношеній и хода классовой борьбы въ предѣлахъ даннаго государства. Возникши, какъ интернаціоналистская по преимуществу, фракція французскаго рабочаго движенія, «гэдизмъ» въ этомъ отношеніи къ началу XX вѣка оказался особенно проникнутымъ той національной ограниченностью кругозора, которая стала типической чертой соціалъ-демократіи наканунѣ всемірной войны. Тотъ духовный застой, который, послѣ объединенія французской партіи (1905 г.), наблюдался среди французскихъ марксистовъ и который въ конечномъ счетѣ объясняется замедленнымъ темпомъ экономическаго развитія третьей республики, сыгралъ не малую роль въ томъ обстоятельствѣ, что среди нихъ не нашлось, какъ это имѣло мѣсто въ Германіи и Австріи, людей, которые бы хотя бы только поставили и формулировали новыя проблемы, порожденныя вступленіемъ Европы въ эру имперіалистскихъ антагонизмовъ.

Въ этомъ отношеніи не связанный традиціями синдикализмъ несомнѣнно болѣе чутко улавливалъ новые моменты въ положеніи рабочаго класса, когда старался привлечь его особое вниманіе къ вопросамъ вѣроятной войны, то есть, къ тому пункту, гдѣ скрещиваются между собою самостоятельныя судьбы отдѣльныхъ отечествъ; эту большую чуткость проявлялъ онъ и тогда, когда констатировалъ тупикъ, въ которое зашло общественное развитіе передовыхъ демократій, придавленное реакціонной атмосферой международныхъ имперіалистскихъ антагонизмовъ. Но, не умѣя, благодаря своимъ идеологическимъ традиціямъ (прудонизма и анархизма), оцѣнить новыя явленія подъ угломъ исторической закономѣрности, не умѣя примѣнить діалектическій методъ историческаго матеріализма къ ихъ познанію и не имѣя, благодаря соціальной отсталости Франціи, опоры въ движеніи, которое формировалось бы подъ непосредственнымъ давленіемъ порожденныхъ имперіализмомъ противорѣчій, синдикализмъ и въ области „внутренней“ и въ области „внѣшней“ политики въ

своемъ антипарламентаризмѣ, и анти-легализмѣ, какъ и въ своемъ «анти-патріотизмѣ», могъ лишь искаженно выразить новыя потребности движенія, но не формулировать новыя проблемы и тѣмъ паче отвѣтить на нихъ.

Ближе могъ подойти къ этимъ проблемамъ и отвѣтамъ Жанъ Жоресъ, съумѣвшій, безъ всякой опоры въ организованныхъ фракціяхъ, сгруппировать вокругъ себя элементы, неудовлетворявшіеся ни гэдизмомъ, ни синдикализмомъ. Политикъ новаго поколѣнія и притомъ, развернувшій свою дѣятельность преимущественно на парламентской аренѣ, Жоресъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто либо другой изъ крупныхъ соціалистическихъ дѣятелей Европы, схватилъ имперіалистскій нервъ современнаго политическаго развитія и пытался органически объединить „внутреннюю“ и „внѣшнюю“ политику рабочей демократіи. Жоресъ былъ весьма послѣдовательнымъ „реформистомъ“; но въ отличіе отъ многихъ другихъ видныхъ реформистовъ, которые «приспособлялись» къ условіямъ и формамъ общественнаго развитія, порождаемымъ имперіалистской эрой, и соотвѣтственно измѣняли свои реформаторскія задачи, онъ, менѣе другихъ ограниченный національной узостью, въ этихъ условіяхъ и формахъ могъ совершенно правильно усмотрѣть главное непреодолимое препятствіе къ осуществленію задачи постепеннаго реформированія буржуазнаго общества. Это привело его къ той почти титанической борьбѣ противъ милитаризма и имперіализма, которая его, крайняго реформиста, сближала съ представителями крайнихъ лѣвыхъ теченій. Это же позволило ему, свободному отъ метафизической прямолинейности анархо-синдикалистовъ, въ то же время смѣлѣе, чѣмъ это дѣлали гэдисты, взглянуть въ лицо новой дѣйствительности и пытаться проблему непосредственно-международнаго дѣйствія поставить въ центрѣ задачъ рабочей демократіи.

Что Жоресъ могъ это сдѣлать и, дѣлая это, сгруппировать вокругъ себя большую часть соціалистовъ и пріобрѣсти несомнѣнное идейное вліяніе на почти-враждебный

партіи міръ синдикализма,—это объясняется опять таки специфическими условіями соціальнаго развитія Франціи, обрекшими ее на относительно зависимую роль въ имперіалистскихъ конфликтахъ современной Европы и въ то же время сохранившими въ ней буржуазную демократію какъ еще жизненную и сравнительно-вліятельную общественную силу. Именно потому, что эта буржуазная демократія — крестьянство, интеллигенція, мелкая и средняя, буржуазія—еще не была идейно закрѣпощена имперіализмомъ, и соціально обезличена капитализмомъ, она могла дать такой резонансъ анти-миталиристской и анти-имперіалистской агитаціи Жореса, какого не могло быть въ болѣе преобразованныхъ имперіализмомъ обществахъ.

Увлечь за собою въ Бернъ на извѣстную конференцію 1912 года около 200 депутатовъ буржуазныхъ партій; завоевать на общихъ выборахъ 1914 г. большинство голосовъ противникамъ закона о „трехлѣтней службѣ“ было, конечно, заслугой Жореса, такъ его заслугой было—въ эпоху „дрейфусіады“—перевернуть общественное мнѣніе демократіи. Но всѣ эти успѣхи были возможны лишь постольку поскольку народное хозяйство Франціи еще не было порабощено міровымъ имперіализмомъ въ то время, какъ ея политика уже испытывала на себѣ все большее его вліяніе.

Но какъ разъ эти успѣхи борьбы Жореса, обусловленные національными особенностями французскаго развитія, содѣйствовали тому, чтобы и его собственной политикѣ придать характеръ извѣстной національной ограниченности, чтобы сузить широту кругозора въ его построеніяхъ, связянныхъ съ отношеніемъ соціалистовъ къ войнѣ. Опираясь на указанную выше относительную силу буржуазныхъ демократій во Франціи, на ея относительную независимость отъ имперіализма и вытекающій отсюда пасифизмъ Жоресъ разсчитывалъ на ея, по меньшей мѣрѣ, благожелательный нейтралитетъ, когда поддерживалъ синдикалистскіе планы предотвращенія военной опасности и,

вмѣстѣ съ Вайаномъ, на партійныхъ конгрессахъ проводилъ резолюціи, обязывающія рабочую партію къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ для воспрепятствованія войнѣ. На случай-же если катастрофа наступитъ, онъ, поскольку касался этого, разсматривалъ, какъ и гэдисты, положеніе рабочей демократіи Франціи подъ угломъ зрѣнія изолированно-взятыхъ ея собственныхъ соціальныхъ взаимоотношеній, игнорируя тѣ междугосударственныя взаимоотношенія между нею и ея союзниками, которыя онъ старался учитывать въ политикѣ своей партіи въ нормальное время. Если гэдисты видѣли въ будущей войнѣ французскій рабочій классъ продолжающимъ—въ процессѣ обороны—свою классовую борьбу за власть, то Жоресъ склоненъ былъ представлять себѣ моментъ высшей національной опасности, какъ таковой, когда массы непролетарской французской демократіи, очутившись, благодаря игрѣ слѣпыхъ силъ имперіализма, противъ своей воли въ водоворотѣ войны, готовы будутъ броситься въ объятіи демократіи соціальной, которая одна только оказалась способной предусмотрѣть катастрофу, и готовы серьезно бороться за ея предотвращеніе. Въ этой перспективѣ роль рабочей демократіи, въ случаѣ предстоящаго конфликта, который народомъ будетъ принятъ, какъ навязанный, представлялась въ видѣ гегемона національной обороны, опредѣляющаго ея цѣли и методы, дѣлающаго самый навязанный націи, конфликтъ средствомъ для преодолѣнія милитаризма и имперіализма. Тамъ, гдѣ гэдисты предвидѣли крайнее обостреніе борьбы классовъ, Жоресъ видѣлъ объединеніе всѣхъ живыхъ и прогрессивныхъ силъ націи вокругъ рабочей демократіи. Но въ этой перспективѣ истинно-національной войны отсутствовала имперіалистская международная атмосфера, окружающая данную страну и необходимо измѣняющая и извращающая внутри ея классовыя взаимоотношенія, отсутствовали коалиціи государствъ, обусловливающія не только неизбѣжность наступленія войны независимо отъ желанія отдѣльной націи,

но и цѣли и методы ведущейся ею войны и классовыя группировки въ ней. Взгляды и самыя иллюзіи Жореса тѣмъ болѣе должны были стать доминирующими во французской рабочей демократіи, чѣмъ болѣе они формально примыкали къ традиціямъ великой революціи и эпопеи 1870—71 г.г. и чѣмъ болѣе они находили извѣстную опору въ общественномъ мнѣніи мелко-буржуазной демократіи, плотнымъ слоемъ окружающей во Франціи современный пролетаріатъ. Они, дѣйствительно, въ моментъ катастрофы, когда голосъ самого Жореса смолкъ, увлекли за собою и его вчерашнихъ противниковъ-гэдистовъ и анархо-синдикалистовъ. Политика активнаго участія въ оборонѣ, дѣлающая рабочую демократію основной движущей силой націи и ея гегемономъ, и тѣмъ самымъ мѣняющая самый характеръ имперіалистской войны, была усвоена ея громаднымъ большинствомъ; болѣе того, и въ союзныхъ и даже въ нейтральныхъ странахъ они нашли вдохновенныхъ защитниковъ, усвоившихъ „французско-соціалистическую" концепцію настоящей войны, ея смысла, цѣлей и задачъ.

Практика примѣненія этой политики мало по малу раскрыла заложенныя въ ней противорѣчія и сдѣлала то, что постепенно одни за другими, цѣлыя группы синдикалистовъ и соціалистовъ почувствовали, что теряютъ подъ ногами почву. Отсюда кризисъ.

6.

ДВУХЛѢТНІЙ ОПЫТЪ.

Въ области внѣшней политики, то есть, цѣлей войны и методовъ достиженія ихъ, представители рабочей демократіи должны были убѣдиться въ томъ, что не она, а другія соціальныя силы опредѣляютъ эти цѣли и ме-

тоды. Выше указано, какъ республиканское правительство дезавуировало рѣшенія, подъ которыми на Лондонской конференціи подписались делегаты французскихъ соціалистовъ. Еще раньше и еще яснѣе должна была вскрыться передъ ними вся неосновательность ихъ надеждъ на то, что ведущіе войну союзники Франціи рѣшатъ свои внутренніе національные вопросы въ духѣ началъ, формулированныхъ соціалистами. Парижская „экономическая“ конференція убѣдительно показала имъ, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы результатомъ войны явилось торжество принциповъ «открытыхъ дверей», свободы торговли, экономическаго разоруженія и т. д.; тогда какъ цѣлый рядъ другихъ фактовъ заставилъ самыхъ неисправимыхъ Маниловыхъ прекратить разговоры о „послѣдней войнѣ“.

Словомъ, политическая практика показала, что надежды на то, что соціалистическая мысль будетъ управлять судьбами одной изъ столкнувшихся коалицій, являются совершенно фантастичными.

Въ области внутренней политики—та же провѣрка иллюзій дѣйствительностью, тотъ-же итогъ—ощущеніе неосновательности претензій, питавшихся въ августѣ 1914 г. „Государственная необходимость“, опредѣляемая интересами другихъ общественныхъ группъ и формулируемая „людьми дѣла, а не краснобаями“, показала всю иллюзорность мысли о томъ, что государство можетъ вести эту войну, опираясь не только на физическую силу и моральное сочувствіе демократіи, но и ея свободную самодѣятельность. Также какъ всѣ не республиканскія страны, Франція ведетъ войну при условіи предварительной политической цензуры постановки свободы собраній и союзовъ подъ строгій контроль властей и неукоснительнаго дѣйствія военнаго подоженія. И точно также веденіе этой войны требуетъ, чтобы демократическій контроль парламента былъ поставленъ въ очень тѣсныя рамки, чтобы господствовалъ извѣстный принципъ: „оппозиція не вредна... когда она не вредитъ“.

Французскіе соціалисты и демократы получили возможность продѣлать этотъ опытъ самопознанія при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ: въ теченіе долгаго періода, когда въ странѣ относительно необходимости и справедливости войны царило никѣмъ не нарушаемое единодушіе, когда, стало быть, всѣ эти отступленія отъ традиціонныхъ демократическихъ началъ не могли мотивироваться опасностью со стороны „внутренняго врага“ слѣва и находили свое объясненіе лишь въ необходимости для правящихъ группъ считаться съ желаніями и интересами болѣе правыхъ общественныхъ элементовъ (во Франціи и внѣ ея), коихъ активное содѣйствіе являлось для веденія войны не менѣе незамѣнимымъ, чѣмъ содѣйствіе демократіи. Тѣмъ самымъ „жоресистская“ иллюзія демократической гегемоніи на почвѣ войны разсѣивалась, какъ дымъ.

Слѣдовъ этой гегемоніи или ея зарожденія нельзя было найти ни въ финансовой, ни въ соціальной политикѣ республики за время войны. Конечно, республика считалась съ необходимостью заботиться о рабочемъ классѣ и, вообще, о неимущихъ классахъ соотвѣтственно ненормальнымъ условіямъ военнаго времени; но точно также считались съ этой необходимостью и всѣ другія воюющія государства. Отсюда, однако, большое еще разстояніе до признанія интересовъ рабочаго класса рѣшающей инстанціей въ вопросахъ, на которыхъ сталкиваются интересы различныхъ соціальныхъ группъ, или даже до такого компромисса съ ними, который болѣзненно затрагивалъ бы интересы другихъ классовъ и относящіяся сюда претензіи соціалистовъ были отвергнуты безъ особенныхъ колебаній. Ни требованіе временной націонализаціи производствъ, работающихъ на войну, либо торговаго судоходства и, тѣмъ самымъ, изъятіе изъ сферы накопленія капиталистической прибыли; ни требованіе конфискаціи государствомъ всей или большей части „экстренной“ военной прибыли, ни требованіе покрытія растущихъ издержекъ войны безъ увеличенія косвенныхъ налоговъ и т. д. не могли быть

удовлетворены государствомъ. Болѣе того: въ области обложенія военной прибыли не только англійская, но и германская монархія пошли дальше третьей республики.

То же надо сказать объ использованіи чрезвычайныхъ полномочій государственной власти для регулированія взаимоотношеній между рабочими и предпринимателями въ интересахъ первыхъ... То же съ регулированіемъ вопроса о квартирной платѣ, съ регулированіемъ цѣнъ на жизненные продукты и т. д. и т. д.

Разумѣется, соціалисты и синдикалисты не щадили усилій для того чтобы всѣ вопросы рѣшались въ духѣ ихъ пониманія справедливости и государственной необходимости. Но средства, которыя у нихъ имѣлись для этого въ распоряженіи: подцензурная пресса, личное вліяніе въ парламентскихъ комиссіяхъ и въ кабинетѣ министровъ, сведенное на нуль военнымъ положеніемъ, право собраній [1]) и т. д. оказывались совершенно безсильными измѣнить направленіе равнодѣйствующей, опредѣляемое давленіемъ мощныхъ соціальныхъ интересовъ, управляющихъ жизнью государствъ. Обычное же для рабочей демократіи средство противодѣйствія этому давленію—классовое сопротивленіе—отбрасывалось, какъ идущее въ разрѣзъ съ принципомъ «все для войны», съ принципомъ отказа, во имя защиты отечества, отъ систематической оппозиціи государству.

Этотъ отказъ никогда не былъ формулированъ нарочито ни въ постановленіяхъ партіи, ни въ рѣшеніяхъ Конфедераціи Труда ни обязательство голосовать въ парламентѣ всегда за данное правительство, ни обязательство отказа отъ стачекъ и другихъ формъ экономической борьбы, ни обязательство прекращенія всякой классовой агитаціи въ массахъ не были взяты на себя ни тою, ни другой. Совершенно также, какъ это было и съ германской

[1]) Во многихъ случаяхъ представителямъ «большинства» партіи и Конфедераціи отказано въ разрѣшеніи устроить собранія по вопросу о дороговизнѣ жизни.

соціалдемократіей: лидеръ большинства Ф. Шейдеманъ еще и сейчасъ послѣ двухъ лѣтъ „Burgfrieden'a“ утверждаетъ въ своемъ рефератѣ на „имперской конференціи“, что его партія отнюдь не стала правительственной и не перестала быть оппозиціонной. Самое слово „Union Sacrée“ какъ выражающее политическую оріентацію партіи въ настоящее время, ни Жюль Гэдъ, ни Эд. Вайанъ, ни Бракъ и Камперъ-Морель, никто, словомъ, изъ не склонявшихся раньше къ «ревизіонизму», не употреблялъ и не употребляетъ въ обиходѣ. Но, какъ и въ Германіи, практика, освящаемая увѣренными комментаріями представителей соціалистической правой, всецѣло находится подъ знакомъ такого отказа. Партія не отказывается отъ того, чтобы по каждому жгучему вопросу—будь то вопросъ внѣшней или внутренней, фискальной или соціальной политики, военныхъ или мирныхъ проблемъ—имѣть свое особое мнѣніе, формулировать его и стараться въ парламентѣ, въ прессѣ, въ комиссіяхъ и т. д. склонить на его сторону представителей другихъ партій, но она каждый разъ отказывается отъ попытки навязать свою волю путемъ апелляціи къ заинтересованнымъ массамъ, путемъ отказа отъ дальнѣйшей поддержки правительства.

Партія остается, пожалуй, оппозиціонной, но въ смыслѣ „отвѣтственной оппозиціи“ нашихъ К.-Д., и это самоограниченіе, наложенное ею на себя во имя обще-національныхъ интересовъ, является яркимъ опроверженіемъ ея прежняго ученія о суверенитетѣ классовыхъ интересовъ.

При отказѣ отъ непримиримой оппозиціи, партія не могла принципіально отвергнуть участіе своихъ представителей въ составѣ парламентскаго министерства. 28 августа 1914 г. Жюль Гэдъ и М. Самба, позже—Альберъ Тома—уполномочиваются партіей вступить въ кабинетъ. Это не было тѣмъ «завоеваніемъ политической власти пролетаріатомъ», о которомъ искони говорилось въ «гэдистскихъ программахъ и резолюціяхъ. Но это не было и реализаціей программы Жореса о постепенной «инфиль-

траціи» соціализма въ властные органы демократическаго государства. Ибо предпосылкой „сотрудничества“ въ высшей его формѣ для Жореса всегда являлась демократизація власти, переходъ въ руки самой передовой части буржуазной демократіи, въ союзѣ съ которой, но въ тѣмъ болѣе острой борьбѣ съ соціально-консервативными группами, рабочая демократія беретъ на себя бремя подобной отвѣтственности—для частичнаго и постепеннаго проведенія своей программы.

Между тѣмъ, реальная обстановка, въ которой состоялось это пріобщеніе соціализма къ власти, была прямо противоположной той, которая предполагалась жоресистскимъ реформизмомъ. Первыя неудачи французскихъ армій, стремительное движеніе германцевъ къ Парижу вызвали въ обществѣ панику. Министерство Вивіани-Мальви, вышедшее изъ тѣхъ выборовъ 1914 года, на которыхъ моральная побѣда была одержана противниками „трехлѣтней службы“, и являвшееся однимъ изъ самыхъ передовыхъ по своему составу министерствъ третьей республики, подверглось ожесточенному обстрѣлу со всѣхъ сторонъ, какъ отвѣтственный виновникъ первыхъ неудачъ. При господствѣ военнаго положенія, отсутствіи парламента, распущеннаго на неопредѣленное время 5-ое августа, отсутствіе народныхъ собраній,—эта агитація противъ министерства могла отразить недовольство лишь соціально-вліятельныхъ круговъ, стоявшихъ с п р а в а отъ кабинета и не нуждающихся, благодаря своему соціальному положенію, въ свободномъ дѣйствіи демократическихъ учрежденій. Финансовая олигархія, крупная буржуазія, аграріи, военная бюрократія, церковь—всѣ общественныя группы, оттѣсненныя отъ власти буржуазной демократіей—предъявили требованіе о реформѣ кабинета.

Ихъ лозунгомъ стало „національное министерство“—въ противоположность министерству „партійному“. Это обозначало, что соотвѣтственно историческому содержанію событій, соотвѣтственно факту превращенія Франціи изъ

самодовлѣющаго государственнаго организма въ одну изъ частей мощной государственной коалиціи, правительственная власть должна перейти отъ политической группы, возведенной къ ней внутренними побѣдами буржуазной демократіи надъ другими слоями имущихъ классовъ,—къ совокупности этихъ послѣднихъ; иначе говоря, власть должна была передвинуться отъ внѣимперіализма стоящихъ фракцій буржуазнаго общества къ фракціямъ, связанныхъ съ нимъ.

28 августа было образовано новое министерство; 5-го сентября былъ подписанъ Лондонскій договоръ, подчиняющій внѣшнюю политику каждаго изъ союзныхъ государствъ общему ихъ контролю.

Сдвигъ вправо, проектировшійся подъ именемъ „національнаго министерства", былъ настолько очевиденъ для соціалистовъ, что, какъ это въ срединѣ августа засвидѣтельствовалъ „ Le Temps", они первоначально „сорвали" этотъ планъ *). Но ихъ сопротивленіе было непродолжительно, ибо въ очерченныхъ выше условіяхъ ихъ моральное давленіе не могло помѣряться съ реальнымъ давленіемъ другихъ группъ. Гегемонія передового радикализма въ дѣлѣ защиты отечества оказалась иллюзіей, прежде еще, чѣмъ сдѣланъ былъ опытъ рабочей демократіи въ немъ: въ кабинетъ вошли представители политики „концентраціи напрàво": Бріанъ, Мильеранъ, Рибо, Делькассэ и, занявъ центральные посты, имѣющіе отношеніе къ „организаціи побѣды", придали политикѣ кабинета опредѣлен-

*) На мой запросъ по этому поводу соціал. депутатъ Бракъ подтвердилъ мнѣ, въ то время, что, дѣйствительно, въ правительственныхъ кругахъ рѣчь шла о введеніи въ кабинетъ гг. Бріана, Делькассэ, Рибо, Мильерана и Барту—т. е. лидеровъ анти-радикальной избирательной лиги на выборахъ 1914 г., но соц. партія привела къ крушенію этотъ планъ, заявивъ премьеру Вивіани, что, въ случаѣ подобной реформы, она вернется къ роли систематической оппозиціи. Это было всего за недѣлю до того, какъ „національное министерство" осуществилось на дѣлѣ—но съ участіемъ въ немъ представителей самой партіи.

ную окраску. Это значеніе „національнаго министерства“ было затушевано для публики приглашеніемъ въ кабинетъ Гэда и Самба, какъ впослѣдствіи при переходѣ власти отъ англійскихъ радикаловъ къ консерваторамъ та же цѣль была достигнута включеніемъ въ кабинетъ Гендерсона.

Вступленіе въ министерство при этихъ условіяхъ не являлось ни въ какой мѣрѣ осуществленіемъ идеи Жореса о томъ „сотрудничествѣ“, которое приведетъ рабочую демократію къ гегемоніи среди вступающихъ на путь радикальныхъ реформъ элементовъ нерабочей демократіи и которое, какъ можно думать, самъ Жоресъ считалъ вѣроятнымъ на почвѣ національной обороны. Прямо и рѣзко противорѣчило оно идеѣ гэдистовъ о самозащитѣ пролетаріата противъ внѣшняго врага, сочетаемой съ непримиримой классовой борьбой внутри страны. Но, противорѣча обѣимъ политическимъ концепціямъ, раздѣлявшимъ до войны французскій соціализмъ, оно явилось логически неизбѣжнымъ результатомъ того положенія, въ которое попала рабочая демократія, когда, твердо встав на почву національной защиты въ условіяхъ имперіалистской войны, должна была считаться съ опредѣленной формой участія въ этой защитѣ, какъ съ единственной, которая приданной остротѣ внутри-общественныхъ отношеній и при данной взаимо-зависимости отдѣльныхъ, входящихъ въ коалицію, государствъ являлась пріемлемой для классовъ имущихъ. Требованіе „реальной“ политики оказалось сильнѣе. чѣмъ предвзятыя схемы.

Совершенно то же произошло по другую сторону Рейна. Лѣтъ двадцать назадъ Вольфгангъ Гейне возмутилъ нѣмецкую соціалъ-демократію, предложивъ ей знаменитую формулу готовность содѣйствовать дѣлу военной мощи отечества въ обмѣнъ за политическое равноправіе. Когда въ 1914 году, въ моментъ національной опасности, германскіе имущіе классы пожелали „сотрудничать“ съ соціалъ-демократіей, историческая обстановка была такова, столь неприкрыта

острота соціальныхъ антагонизмовъ, что это сотрудничество оказалось возможнымъ или пріемлемымъ для имущихъ классовъ и монархіи лишь въ формѣ... безвозмезднаго содѣйствія со стороны рабочей демократіи, безъ всякаго эквивалента въ видѣ правъ, въ формѣ „безусловнаго“ оборончества.

И если нынѣ Филиппъ Шейдеманъ, оправдывая позицію нѣмецкой соціалъ-демократіи, съ негодованіемъ отклоняетъ мысль о томъ, чтобы она согласилась „торговаться о цѣнѣ своего содѣйствія“, обусловливать его дарованіемъ всеобщаго избирательнаго права и т. д., то и Жюль Гэдъ, по свидѣтельству Г. Алексинскаго, съ крайнимъ возмущеніемъ заявилъ на конгрессѣ своей партіи, что, никогда не бывъ реформистомъ, онъ отказывается ждать отъ участія въ правительствѣ для пролетаріата какой бы то ни было „интересной прибыли“.

Политики имущихъ классовъ, не имѣющіе основанія спасать, во что бы то ни стало, престижъ былыхъ представителей «ортодоксіи», скажутъ, конечно, что и Гэдъ, и Шейдеманъ, просто разыгрываютъ варіацію на тему: «зеленъ виноградъ»...

Такъ или иначе, но новый экспериментъ «министеріализма» былъ начатъ и продѣлывается вотъ уже 2 года. При новой перемѣнѣ кабинета въ томъ-же направленіи, когда, рядомъ съ выше названными лидерами умѣреннаго республиканизма, были введены въ его составъ крайне правые элементы въ лицѣ аграрія Жюля Мелина, умѣреннаго либерала де Фрейсинэ и монархиста Дени Кошена, соціалисты Гэдъ, Самба и Тома вошли въ новую «комбинацію».

Со вступленіемъ въ министерство делегатовъ ихъ партіи, для соціалистовъ создалось противорѣчивое положеніе. Участіе ея делегатовъ въ составѣ министерства дѣлаетъ ее, по существу, правительственной партіей, тогда какъ она стремится сохранить за собою роль «отвѣтственной

оппозиціи», сами министры раздираются между требованіями дисциплины по отношенію къ своей партіи и требованіями дисциплины по отношенію къ кабинету. Отсюда вытекаетъ рядъ противорѣчивыхъ и ослабляющихъ престижъ партіи выступленій. То, какъ это было съ вышеупомянутой Лондонской конференціей, отъ лица всего кабинета дезавуируются рѣшенія, подписанныя соціалистическими министрами въ качествѣ делегатовъ партіи. То подписи соціалистическихъ министровъ значатся подъ декларацією, которую соціалистическая фракція читаетъ при голосованіи бюджета, въ которомъ она сурово критикуетъ финансовую политику правительства, включающаго трехъ соціалистовъ. То министерство подъ давленіемъ властныхъ имущихъ группъ отказывается поддержать принципы внесеннаго соціалистами законопроекта о ликвидаціи обязательствъ квартирантовъ передъ домовладѣльцами и три министра голосуютъ за компромиссъ въ пользу домовладѣльцевъ — противъ своей партіи. То при голосованіи закона, возвращающаго подсудимымъ въ военныхъ судахъ отнятое у нихъ практикой право обжалованія, имена трехъ соціалистическихъ министровъ оказываются въ числѣ 200 воздержавшихся правыхъ и умѣренныхъ депутатовъ, не желающихъ смягченія осаднаго режима. То вся фракція или ея большинство, слѣдуя за своими министрами, одобряетъ новые косвенные налоги на сумму въ милліардъ франковъ — вопреки своей программѣ — или голосуетъ за отклоненіе запросовъ о злоупотребленіяхъ того или иного вѣдомства,—если кабинетъ объявилъ себя солидарнымъ съ послѣднимъ.

И т. д. и т. д.

Извѣстный писатель Поль Луи (принадлежащій также оппозиціи) въ своей рѣчи на собраніи Сенской федераціи къ 30 сент. с./г. сказалъ:

„Главный вопросъ спора между большинствомъ и меньшинствомъ — это вопросъ объ участіи въ министерствѣ.

Участіе соціализма въ національной оборонѣ пріобрѣло, благодаря этому сотрудничеству, извращенный характеръ. Больше пользы для дѣла обороны было-бы, если-бы партія содѣйствовала ему извнѣ, критикуя и добиваясь реформъ. „Въ дѣйствительности сотрудничество пріобрѣло характеръ акта внутренней политики, вреднаго для интересовъ самой республики". Перечисливъ всѣ тѣ проблемы, въ рѣшеніе которыхъ партія пыталась вмѣшаться (реквизиція военныхъ заводовъ, новые налоги, дороговизна жизни, угольный голодъ и т. д.) ораторъ заключаетъ: „работа партіи свелась къ нулю; она ни въ одномъ вопросѣ мы не пытались добиться рѣшенія въ нашемъ духѣ и именно участіемъ въ министерствѣ парализовала наши усилія" [1]).

Параллельно со всѣмъ этимъ политическимъ опытомъ, развивается другой: опытъ перерожденія самой соціалистической идеологіи. Практика сотрудничества въ конкретныхъ условіяхъ вырабатываетъ въ менѣе неподвижныхъ умахъ новыя идеи, пользуясь для этого и пережитками старыхъ оппортунистическихъ ученій. Совершенно какъ въ Германіи.

Первоначальная освободительно-военная идеологія соціалистовъ и синдикалистовъ вкладываетъ въ ходячій терминъ «разгрома германскаго имперіализма» или «прусскаго милитаризма» совершенно опредѣленное содержаніе, го-

---

[1]) Очень часто этой и подобной критикѣ безсилія партіи противопоставляютъ кипучую дѣятельность Альберта Тома, какъ министра снабженія. Что она, съ административно-дѣловой точки зрѣнія, является весьма положительной, должны признать, дѣйствительно, даже политическіе противники Тома. Но, разумѣется, послѣдователи марксистской „ортодоксіи" должны были себя чувствовать болѣе, чѣмъ неловко, когда узнавали о циркулярахъ, въ которыхъ этотъ министръ грозилъ предпринимателей къ повсемѣстному введенію „системы Тэйлора", до войны бывшей „bête noire" для соціалистовъ и синдикалистовъ; настаивалъ на возможно болѣе широкомъ пріобщеніи женщинъ къ тяжелому труду въ тяжелой индустріи.

ворящее о торжествѣ извѣстныхъ демократическихъ началъ, принципа національнаго самоопредѣленія и т. п. во всемъ мірѣ. Въ однихъ государствахъ эти начала восторжествуютъ въ результатѣ ихъ военнаго пораженія, въ другихъ—въ результатѣ побѣдоносной ихъ кооперації съ передовыми демократіями Запада. Въ слѣдующей статьи развитія, подъ вліяніемъ продѣланнаго опыта, содержаніе освободительной задачи съуживается до задачи сохраненія и пріумноженія собственнаго отечества цѣною хотя бы поддержки имперіалистскихъ плановъ другихъ участниковъ коалиціи. На этой стадіи критика Англіи, вводящей у себя, вопреки всѣмъ либеральнымъ традиціямъ, всеобщую воинскую повинность, смѣняется восхваленіемъ ея за это „крайнее усиліе", дѣлаемое ради „разгрома прусскаго милитаризма". Это стадія примиренія съ задачами, которыя въ данной войнѣ преслѣдуетъ имперализмъ великобританскій, русскій или итальянскій.

На послѣдней стадіи освободительная идеологія сближается съ идеологіей освобожденія отъ чужого «засилья», въ данномъ случаѣ германскаго. Задачей войны оказывается отвоевать національному капитализму болѣе благопріятныя условія развитія и борьбы съ иноземной конкурренціей, охранить его отъ супрематіи болѣе развитыхъ капитализмовъ.

Соотвѣтственно этой эволюціи, измѣняется и представленіе о взаимоотношеніяхъ рабочей демократіи и націей. На первой стадіи рабочая демократія еще преслѣдуетъ въ войнѣ свои собственныя задачи, что предполагаетъ борьбу съ другими классами за опредѣленіе національныхъ задачъ войны, а, слѣдовательно, и опредѣленную независимость ея по отношенію къ нимъ. Эту независимость свою партія еще усиленнѣе подчеркиваетъ въ первыхъ своихъ декларацiяхъ въ августѣ 1914 года и даже въ той деклараціи, которою она объявляетъ о согласіи на введеніе своихъ представителей въ министерствѣ, она противо-

поставляетъ себя всѣмъ остальнымъ партіямъ, возлагая на всѣхъ нихъ отвѣтственность за происхожденіе конфликта. Единственнымъ связующимъ рабочую демократію съ недемократическими классами моментомъ остается въ это время моментъ участія въ оборонѣ. „Оборончество“ выступаетъ еще въ чистомъ видѣ, оно не исключаетъ въ принципѣ ни классовой борьбы, ни международности.

На второй стадіи классовое сотрудничество и абсолютная національная солидарность въ теченіе войны.—Солидарность, исключающая самую возможность классоваго общенія съ „врагами отечества“, становятся все болѣе неотъемлемыми частьями оборончества. Рабочая демократія понимаетъ тщету усилій сдѣлать свою собственную „программу войны“ программой общенаціональной и „пріемля“ данную внѣшнюю политику своей страны, вытекающую изъ ея международнаго положенія и ихъ прошлой дипломатической исторіи, за которую она формально „сложила съ себя отвѣтственность“, дѣлаетъ идею національной солидарности верховнымъ критеріемъ своего политическаго поведенія.

На послѣдней стадіи изъ этого положенія дѣлается рѣшительный выводъ, выражающій прямое приспособленіе къ отечественному имперіализму. Національная солидарность провозглашается рѣшающей инстанціей и для будущаго мирнаго времени; классовое сотрудничество—высшимъ методомъ самодѣятельности демократіи. Создается формула „національнаго соціализма“, который не только долженъ пересмотрѣть старыя традиціи международности, но и признать прямую и постоянную заинтересованность рабочаго класса въ процвѣтаніи отечественнаго капитализма и на этомъ признаніи строить свою программу дѣйствія. Совмѣстная съ другими классами борьба за наилучшее положеніе на міровой имперіалистской аренѣ, сотрудничество въ оборонѣ отечественнаго капитализма противъ всякихъ „усилій“ и—внутри націи—полюбовное размежеваніе интересовъ, гарантирующее наибольшую сплочен-

ность и, слѣдовательно, боеспособность націи, —такова физіономія этого „національнаго соціализма“.

Густавъ Эрве ведетъ въ пользу него горячую пропаганду, спекулируя на „банкротство нѣмецкаго соціализма классовой борьбы“ и призывая къ «соціализму всѣхъ благомыслящихъ людей“. Вождь синдикалистовъ, Жуо, на банкетѣ хозяевъ рисуетъ эру совмѣстныхъ заботъ буржуазіи и пролетаріата о развитіи производительныхъ силъ страны и полюбовнаго дѣлежа выгодъ отъ процвѣтанія національной индустріи,—т. е. эксплуатаціи мірового рынка. Марсель Самба пророчитъ, что отъ священнаго единства, практикуемаго въ процессѣ національной обороны, кое-что останется послѣ войны и будетъ опредѣлять собою взаимоотношеніе классовъ. Депутатъ Александръ Вареннъ говоритъ, что необходимость тѣснаго содрудничества классовъ станетъ еще болѣе повелительной по заключеніи мира, чѣмъ нынѣ, и что изъ этой необходимости должна будетъ исходить партія. Профессоръ Розенталь, предсѣдатель спеціально организовавшагося „Комитета пропаганды національной обороны“, формулируя („Le Populaire“ № 16) задачи этой организаціи, провозглашаетъ такіе принципы: 1) соціализмъ своимъ участіемъ въ спасеніи страны пріобрѣлъ право участвовать въ правительствѣ и послѣ того, какъ страна будетъ спасена и миръ заключенъ: 2) это участіе явится его о б я з а н н о с т ь ю, поскольку онъ признаетъ, что „его участіе въ національной защитѣ должно завершиться участіемъ въ дѣлѣ національнаго возрожденія“.

Подобные взгляды отнюдь не являются достояніемъ всего «большинсдва» и его руководящихъ дѣятелей; напротивъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ Ренодель, Компер-Морель, Бракъ сочли нужнымъ отмежеваться отъ этой концепціи національнаго соціализма и настаивать на освободительной идеологіи, какъ она выглядѣла первой стадіи. Но характерно— это именно и вызываетъ смуще-

ніе и тревогу въ рядахъ партіи,—что эти акты „отмежеванія“ совершаются какъ бы не хотя, спустя много времени, большей частью подъ давленіемъ „оппозиціи“, ставящей ребромъ вождямъ партіи вопросъ о солидарности съ тѣмъ или инымъ провозвѣстникомъ „національнаго соціализма“ и, главное, совершается всегда за личной отвѣтственностью того или иного литератора, никогда отъ имени партійныхъ центровъ или конференціи; не высту павшаго въ то время, какъ и центры и конференціи неоднократно въ оффиціальной формѣ отмежовывались отъ „циммервальдцевъ“, „кинтальцевъ“ и иныхъ элементовъ оппозиціи, заявляя, что партія, какъ цѣлое, за ихъ выступленія не отвѣтственна.

Опять таки получается совершенно аналогичное тому, что за 2 года имѣло мѣсто въ германіи: центры партіи сами не подписываются подъ шовинистскими, анексіонистскими, монархистскими или принципіально-примирительными по отношенію къ буржуазіи выступленіями Кольбовъ и Генишей, Пеусовъ и Давидовъ, Зюдекумовъ и т. д. но они, успѣвшіе торжественно дезавуировать и Либкнехта и Гаазе, и Ледебура и Каутскаго, когда послѣдніе выступили противъ нынѣшняго „Burgfrieden' а“ еще ни разу не отлучили ни одного изъ этихъ проповѣдниковъ „Burgfriden“, а продолженнаго.

Причина этой двойственности одна и та же: та политическая идейная зависимость, въ которую ходомъ событій, логикой своей позиціи отвѣтственные руководители партіи попадаютъ именно отъ этихъ крайне правыхъ элементовъ, составляющихъ звено, соединяющее ихъ съ тѣмъ „общественнымъ мнѣніемъ“, съ которымъ они заключили „священный союзъ“.

Вся эта эволюція сборонической идеологіи и весь этотъ опытъ политики 4 августа, вскрывая внутреннія противорѣчія въ позиціи рабочей демократіи, порождали

и питали тотъ кризисъ, который, разлагая ея идейное единство, привелъ къ образованію очень широкой, но и очень разношерстной и неоформленной, „оппозиціи“.

7.

„ОППОЗИЦІЯ“.

Да, эта оппозиція и разношерстна и неоформлена идейно. Это потому, что, возникая непосредственно на почвѣ недовольства практикой „большинства“, она, такъ сказать, эмпирически, ощупью добирается до принципіальныхъ источниковъ, которыми питаются противорѣчія практики. Отсутствіе глубокой теоретической культуры среди рабочей демократіи, въ частности, ея совершенное незнакомство съ изслѣдованіями новѣйшаго имперіализма и вызванными имъ вопросами и поразительное, десятилѣтіями воспитывавшееся самоограниченіе и политическимъ опытомъ собственной страны, [1])—все это содѣйствовало медленности теченія идейнаго кризиса, придавая этому теченію зигзагообразный характеръ и препятствуя ясной постановкѣ встающихъ передъ рабочей демократіей проблемъ.

Громадное большинство оппозиціи, послѣ всѣхъ разочарованій и всего опыта, стремится сохранить, какъ исходный пунктъ своей политики, „оборонческій“ принципъ. Отрицая лишь ту практику несамостоятельности, отказа отъ оппозиціонности, боевого націонализма, пассованія передъ роднымъ и чужимъ имперіалізмомъ, которая заполнила эти два года. Рабочая демократія должна, по его мнѣнію, про-

---

1] Единицами насчитываются члены партіи, которые знали бы хоть одинъ иностранный языкъ.

должая политику участія въ оборонѣ, въ то же время добиваться подготовки прочнаго, соотвѣтствующаго ея принципамъ мира, для чего должна не отказываться ни отъ критики своего правительства, ни отъ возстановленія международныхъ связей. Отсюда, однако, не выводится ни отказъ отъ участія въ министерствѣ, ни отказъ вотировать военные кредиты, ни вообще полный разрывъ „священнаго союза", ни принципіальное отрицаніе самой освободительной идеологіи оффиціальныхъ лидеровъ партіи. „Для меня несомнѣнно,—пишетъ Жанъ Лонгэ,—что... неуспѣхъ попытки германскаго имперіализма пріобрѣсти гегемонію, его пораженіе является необходимымъ условіемъ установленія прочнаго мира" (Le Populaire 17), но это „недостаточное условіе". Признавая обязательство вотировать кредиты до тѣхъ поръ, пока данная страна преслѣдуетъ цѣли обороны, Лонгэ и единомыслящіе съ нимъ заявляютъ, что, несмотря на всѣ имперіалистскія оффиціальныя и оффиціозныя выступленія, иной характеръ военной политики е щ е н е о б н а р у ж и в а л с я. Въ виду неясности положенія, они предъявляютъ требованіе яснаго и открытаго объявленія „цѣлей войны", а такъ какъ, по соображеніямъ вполнѣ понятной и логичной реальной политики, привыкшей «цыплятъ по осени считать", они такого яснаго отвѣта не получаютъ, они усматриваютъ въ этой неясности положенія доводъ въ пользу дальнѣйшаго вотированія кредитовъ... въ кредитѣ. Совершенно также они поступаютъ въ вопросѣ о „министеріализмѣ". Никто больше ихъ не обличаетъ несоотвѣтствіе актовъ соціалистическихъ министровъ съ завѣтами „правовѣрія", но отсюда они не дѣлаютъ выводовъ ни о несостоятельности правовѣрія, ни о ликвидаціи министеріалистскаго эксперимента, а, повидимому, лишь стремятся «выпрямить» линію поведенія министровъ и всего партійнаго большинства.

Вообще, характерная черта настроенія этихъ дѣятелей—ихъ оптимизмъ. Весь кризисъ они склонны считать ре уль-

татомъ ряда недоразумѣній, частью злой воли или слабости характера отдѣльныхъ вождей и столь же надѣются переубѣдить собственное „большинство“, сколько и столковаться съ большинствомъ нѣмецкимъ. То и другое—на почвѣ признанія оборонческаго принципа, введеннаго въ законныя рамки и освобожденнаго отъ всѣхъ тѣхъ „дурныхъ“ сторонъ, которыя при его примѣненіи проявились по обѣ стороны Рейна.

Этотъ оптимизмъ въ значительной мѣрѣ объясняетъ ту крайнюю уступчивость, которую оппозиція проявляетъ по отношенію къ большинству во всѣхъ публичныхъ выступленіяхъ,—особенно въ парламентѣ, гдѣ уже послѣ ряда самыхъ ожесточенныхъ междуусобныхъ битвъ на партійныхъ конференціяхъ, вся почти оппозиція (кромѣ трехъ «кинтальцевъ») еще въ концѣ сентября дала подписи подъ декларацією фракціи, прочтенной въ обоснованіе новаго вота кредитовъ и повторяющей обычную аргументацію лидеровъ партіи.

Однако, Жанъ Лонгэ стоитъ на самомъ правомъ флангѣ „оппозиціи“ и лишь его личное вліяніе—результатъ большой извѣстности и его дарованій—налагаетъ на коллективныя выступленія «оппозиціи» печать его собственной умѣренности. Остальные вожди и руководящія группы меньшинства далеко не такъ консервативны въ своихъ настроеніяхъ. Принципіальный и безусловный анти-милитаризмъ, отрицаніе «священнаго союза» и вота бюджета встрѣчаютъ среди нихъ болѣе или менѣе значительное число сторонниковъ и лишь соображенія дисциплины по отношенію къ партіи въ цѣломъ, съ одной стороны, и соображенія сохраненія единства оппозиціи внутри партіи съ другой, заставляетъ эти элементы слѣдовать кунктаторской политикѣ Лонгэ. Но принципіальной ясности и послѣдовательности недостаетъ въ большинствѣ случаевъ и имъ. На мѣсто потерпѣвшихъ крушеніе жоресизма, гэдизма, и анархо-синдикализма не выработалось новой законченной системы

взглядовъ, которая позволила бы оппозиціи противопоставить оффиціальной идеологію свою.

Такъ, напримѣръ, „циммервальдскіе“ элементы партійнаго и конфедеральнаго меньшинства отличаются, большей частью, значительно большей отчетливостью политической позиціи, заостренной на нѣсколькихъ основныхъ пунктахъ (объединеніе «меньшинствъ» во всемъ мірѣ), возобновленіе классовой борьбы, полная десолидаризація съ оффиціальными цѣлями войны и т. д., но лишь немногіе среди нихъ во Франціи привели эти политическія требованія въ связь съ основными принципами. Стремясь воздѣйствовать извнутри на всю оппозицію и толкать ее влѣво, они постоянно лавируютъ между двумя опасностями—остаться изолированной слабой группой или поступиться, ради сплоченія всей оппозиціи, существенными моментами своего политическаго міровоззрѣнія. Дѣло не обходится безъ серьезныхъ тактическихъ промаховъ.

Но именно политическая расплывчатость главнаго ядра французской „оппозиціи“ и именно то обстоятельство, что оно не сходитъ съ почвы тѣхъ самыхъ основныхъ принциповъ, которые 4 августа 1914 года признавались всей партіей, дѣлаетъ особенно знаменательнымъ неудержимый ея ростъ и, несмотря на всѣ ея зигзаги, ея усиливающееся отталкиваніе отъ большинства. Тѣмъ болѣе глубоки должны быть объективныя основанія переживаемаго французской демократіей кризиса, если элементы, исходившіе изъ одного и тогоже принципа, и доселѣ его одинаково признающіе, оказались не въ состояніи мирно уживаться въ одномъ движеніи, если Альберъ Тома вынужденъ говорить о „моральномъ расколѣ“ между ними.

Идейный кризисъ, наблюдаемый въ французской демократіи, тѣмъ и поучителенъ, что, разыгравшись внѣ сколько нибудь сильнаго вліянія теоретическихъ школъ, созданный непосредственно практическимъ опытомъ,—притомъ опытомъ примѣненія опредѣленнаго принципа въ самыхъ бла-

гопріятныхъ для него условіяхъ: демократическая форма государства, „чистый“ случай защиты отъ нашествія, сравнительно съ другими державами, слабое господство имперіалистскихъ элементовъ въ политикѣ страны надъ національно-охранительными,—онъ доставляетъ идеологамъ демократіи во всемъ мірѣ богатый матеріалъ для провѣрки опредѣленной системы взглядовъ съ начала до конца.

И, дѣйствительно, уже сейчасъ можно прослѣдить, какъ „французскій опытъ“, вскрывшійся въ этомъ кризисѣ, способствовалъ углубленію и проясненію сознанія тѣхъ демократическихъ элементовъ въ Италіи и Англіи, среди германскаго „меньшинства“ и въ Россіи, также какъ и въ нейтральныхъ странахъ, которыхъ самопознанію данъ былъ первый толчокъ картиной германскаго опыта, опыта банкротства германскаго „большинства“.

Л. Мартовъ.